

БЕРНАР

МИНЬЕР

М

ВИРТУАЛЬНЫЙ РАЗУМ

НА КРАЮ

РОЖДАЕТ РЕАЛЬНЫХ ЧУДОВИЩ...

БЕЗДНЫ

Бернар Миньер

На краю бездны

Серия «Главный триллер года»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62891267
Мойра на краю бездны / Бернар Миньер: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113669-7

Аннотация

Мойра, молодая француженка, специалист в области разработки искусственного интеллекта, приехала в Гонконг работать в китайской мегакомпании «Мин». Это мировой лидер цифровых технологий, и ее ожидает блестящая и стремительная карьера. Но вместо того чтобы радоваться, Мойра мучается вопросами...

Почему в первый же ее вечер в городе к ней приходит полиция?

Почему Центр, главная штаб-квартира «Мин», таит так много мрачных секретов?

Почему среди сотрудников Центра увеличивается число трагических смертей – убийства, несчастные случаи, самоубийства?

Почему она ощущает, что за ней постоянно следят?...

Мойра еще не знает, что реальность, поджидающая ее на краю пропасти, окажется более страшной, чем самый страшный из ее ночных кошмаров...

Содержание

Пролог	7
Данные	15
1	15
2	28
3	33
4	40
5	52
6	61
7	72
8	81
9	86
10	105
11	115
12	124
13	137
14	150
15	160
16	164
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Миньер Бернар

Мойра на краю бездны

Bernard Minier

M, le bord de l'abîme

© XO Editions, 2019. All rights reserved.

© il67 / Shutterstock.com

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2020

Большинству людей не нравится, когда «Гугл» просто отвечает на их вопросы. Они хотят, чтобы «Гугл» сказал им, что именно они должны сделать в следующий момент.

Эрик Шмидт, генеральный директор по безопасности «Гугл»

Нам становится все труднее и труднее гарантировать защиту нашей частной жизни.

Он же

Я признаю, что Искусственный Интеллект является наиболее передовой разработкой, и допускаю, что людям есть отчего тревожиться.

Илон Маск, соучредитель и генеральный директор по безопасности компаний «Тесла» и «СпейсИкс»

Предупреждение

Все технологии, описанные в этом романе, существуют или находятся в стадии разработки. Описанные здесь приборы уже используются во многих странах, и они так же реальны, как и эта история. Ведь она разворачивается не в будущем, а в наши дни.

Пролог

10 ярдов

Она взглянула на себя в зеркало. Вид у нее был измученный. Поморгала глазами и показала своему отражению язык. Потом плотно сомкнула веки и почувствовала, как сквозь ресницы просачивается маленькая, как жемчужинка, слеза.

Приглушенные ритмичные звуки праздника доходили до нее, заполняя собой почти стерильное пространство женской туалетной комнаты. Здесь было так чисто, так спокойно; в мягком рассеянном свете все предметы выстроились точно по ранжиру... Рядом кто-то заговорил с ней, но она не разобрала слов: то ли не обратила особого внимания, то ли заговорили слишком тихо. Но голос настаивал на своем, где-то на самой кромке сознания, как легкий ветерок на лесной опушке, которому не удастся пробраться глубже:

– Вам плохо?

Она вдруг сдавленно икнула и бросилась в кабинку, хлопнув дверью. Отрыгнуть удалось только жалкую струйку слизи пополам с желчью: желудок ее уже давно был пуст. Когда она вышла из кабинки, растрепанная, с трудом, сипло дыша, незнакомая девушка все еще пристально за ней наблюдала.

– Вам плохо? Может быть, позвать врача?

Керри Лоу не дала себе труда ответить. Она вышла из туалетной комнаты и пошла по коридору к террасе, по дороге миновав мужскую комнату. Краем глаза, когда кто-то оттуда вышел, увидела забавные парики: блондинистые, рыжие и даже синие, обрамлявшие могучие шеи. Здоровенные парни, переодетые женщинами, мочились стоя, выстроившись в рядок перед писсуарами. Они смеялись во все горло и обменивались вульгарными предложениями, которые претендовали на остроумие. На ней самой-то был смокинг, белая рубашка с жабо и черный галстук бабочкой. *Праздник переодетых...* Что за идиотская идея: мужчины в женском платье, а женщины – в мужском. Наверное, мужики купили всю эту смешную мишуру в женском универмаге на Тун-Шуа-стрит. А может, наоборот, в шикарных бутиках при Национальном финансовом центре, кто их знает... Но наверняка где-то в центральном районе, в деловом квартале. Либо на чертовой Уолл-стрит, либо в любом другом гребаном месте города, где бог зовется Деньги. Башли. Тугрики. Капуста. *Мани. Дай мани. Дай мани...*

Она появилась на террасе тридцать второго этажа, когда ливень замолотил по ковру, по скатертям и по большим квадратным зонтикам, под которыми укрылись человек пятьдесят приглашенных, и покрыл рябью поверхность опустевшего бассейна. Частый и теплый дождь лил как из ведра. Пелена воды закрывала светящиеся фасады ближних

небоскребов, лезших на штурм ночного неба, загроможденного облаками. Внизу, в каньонах из стекла и бетона, ревели моторы, сирены и клаксоны, и толпы народа вываливали из офисов, запруживая улицы, несмотря на поздний час и проливной дождь. Уж таков Гонконг, этот сгусток сумасшедшей энергии. Этот город, которым владеет безумие жизни на бегу. Шум, жара, сырость. Все куда-то срочно несутся. Несутся постоянно. Жители Гонконга умеют только бегать. Куда и зачем, она не знала, но город бежал. А Керри Лоу бегать не хотелось. Ей вообще больше ничего не хотелось.

Она пыталась с кем-то об этом поговорить. Семь месяцев тому назад в Козуэй-Бэй консультировалась со специалистом, доктором Энди Лэном. Он заставил ее пройти кучу обследований, МРТ, сканирование – и внимательно изучил ее психиатрическое прошлое. В результате решил имплантировать ей специальное устройство, новейшее, революционное изобретение, протестированное в Европе и в Израиле на пациентах, страдающих тяжелыми депрессиями, которым уже не помогали никакие лекарства. Это называлось *глубинной церебральной стимуляцией*: во фронтальную зону мозга, отвечающую за перемены настроения, имплантируются электроды, которые соединяются с тонкими проводами под волосистой поверхностью головы и кожей шеи, и подсоединяются к мини-компьютеру и батарее, закрепленным на груди. Электроды считывают активность мозга, а компьютер, если надо, реагирует, посылая электрический импульс. Все

происходит за тысячную долю секунды. А может, за сотую, Керри в этом плохо разбиралась. Короче, чудо-технологии... По мнению самого доктора Лэна, никто толком не знал, как это работает. Но главное – оно работало, по меньшей мере, у 70 % пациентов, которым поставили устройство. Единственное, что она знала, так это то, что у нее между сисек теперь источник искусственного разума, помещенный в самое сердце мини-компьютера. Устройство это было не совсем такое, как то, что тестировали в Иерусалиме, а гораздо более мудреное и совершенное. Это было китайское изделие, разработанное фирмой «Мин инкорпорейтед». Керри проработала у них три года. На этом основании, а также потому, что она страдала не поддающейся лечению депрессией, ей и предложили принять участие в программе.

Однако ясно было одно: к тем 70 % везунчиков она не принадлежала. Керри очень быстро поняла, что в ее случае устройство не работает. И на самом деле не работало ни одной минуты, ни одной секунды, хотя поначалу ей и хотелось в это верить. А то, что случилось за последний месяц и было стыдливо названо *агрессией*, и вовсе вывело ее из строя.

Как бы там ни было, а она давно уже потеряла всякую надежду. Мрак снова понемногу стал сгущаться, указывая, куда надо держать путь. Керри слышала, что в Иерусалиме, в госпитале Хадаса, один из пациентов опять заболел, потому что в устройстве разрядилась батарея. Может быть, ее батарея вообще не работала, кто знает... Может, ее надо прове-

ритель? Да нет... Все эти люди, что цепляются за жизнь... Даже за жизнь быстро деградирующих идиотов... И все равно цепляются. Вон в округе Мон-Кок тысячи людей живут, как крысы, в грязных норах, теснятся всего на нескольких квадратных метрах друг у друга на головах, в чудовищных конурах, в развалюхах без кондиционеров, без удобств, без всякой гигиены. И, несмотря ни на что, они тоже не желают расставаться со своими мелкими вонючими жизнями, тоже цепляются за них.

Но тогда почему бы ей не наплевать на свою? Почему не махнуть на все рукой и не вести себя, как они? Или как приглашенные вот на этот праздник?

Керри огляделась вокруг. Здесь все считали себя привилегированными, потому что много зарабатывали и жили в роскоши на «правильном» берегу залива Виктория. Половина из них были европейцы, половина – китайцы. Смех, нескончаемая, ни к чему не обязывающая болтовня, рюмки с вином, бокалы с шампанским. И каждый второй уткнулся в свой телефон: кто читает или набирает сообщения, кто смотрит фильм на «Фейсбуке» или «Ю-тьюбе», кто соединяется с «ВиЧат» или «Вейбо». А некоторые фотографируют вечеринку. Что, в этом и состоит их жизнь? И больше ни в чем? Только в телефонах?

На миг ее внимание привлекла блондинка, чей высокий силуэт выступал из общей массы. Туве Йохансен. Керри несколько раз пересекалась с ней в Центре, как называли

лабораторию исследований и разработок «Мин инкорпорейтед». У этой двухметровой норвежки были коротко остриженные светлые, почти белые волосы, холодные серые глаза и атлетическая фигура. Она работала в Отделе искусственного интеллекта. Керри задумалась о своей жизни, о том, какими будут ее ближайшие годы. Тридцатник уже совсем близко, потом ей будет сорок, и жизнь пойдет без планов, без любви... А чем, в сущности, были прожитые двадцать восемь лет? В сознании не всплыло ни одного образа; видно, ни один не стоил того, чтобы его вытащили на поверхность и посвятили ему хоть строчку из тех комментариев, что посыплются в социальных сетях *потом*... Может, как раз поэтому она и вышла на террасу из-под квадратного зонтика.

И сразу же по ней замолотил дождь. Керри промокла насквозь за считанные секунды. Вода струями лилась на голову, крупные капли барабанили по телу, как по мокрому ковру на террасе. Она прошла мимо бассейна, где ежиком взъерошилась поверхность воды, и теперь на нее устремились все взгляды.

Промокнув до костей, Керри, несмотря ни на что, упрямо шла вперед, к бортику террасы, которая словно плыла над улицами. И тут наступила тишина, и все новые и новые пары глаз стали поворачиваться к ней.

В них были и удивление, и любопытство, и тревога.

Впервые в жизни она стала объектом такого пристального внимания. Наверное, напоследок надо о чем-то подумать.

Но в голове не было ни единой мысли. Если уж все-таки надо подвести итог всей жизни одной фразой, она бы сказала вот что: жизнь ее была похожа на сценарий, написанный бездарным сценаристом под действием пары выкуренных косячков.

Когда же Керри перешагнула стеклянный бортик террасы, что было легко сделать в брючной паре смокинга, за ее спиной раздались крики, и какой-то мужчина – молодой американец из Питтсбурга, который приехал по делам и мечтал переспать с китайкой, – бросился к ней. Он в любом случае не успел бы добежать, а тут еще поскользнулся на мокром ковре, плюхнулся на колено, его забавный светловолосый парик соскользнул, и все увидели наголо обритую голову. Он вскочил на ноги и красивым прыжком (в университетской команде играл в защите футбольной команды) почти настиг Керри в тот момент, когда ее восьмисантиметровый каблук уже был занесен над пустотой.

Тридцать два этажа...

Она обернулась и увидела чей-то широко раскрытый в крике рот, накрашенный ярко-красной помадой. К ней несся широкоплечий парень, который, наверное, совсем недавно точно с таким же криком бросался под ноги противнику, не давая тому пересечь десятиярдовую линию¹. Она сделала еще шаг.

¹ В американском футболе команда за одну атаку должна преодолеть 10 ярдов, иначе мяч переходит к сопернику. – Здесь и далее прим. пер.

И тоже вскрикнула.

Когда же ощутила под ногами пустоту и почувствовала, что ее туда неудержимо засасывает, когда ветер стал хлестать ее по щекам и рвать на ней одежду, а ярко освещенная земля начала стремительно приближаться, она заорала что было силы...

Керри Лоу показалось, что она слышит сверху ответные крики, но ветер свистел у нее в ушах слишком громко.

(На секунду ее полоснуло холодом... Левое плечо, порвав связки, ударилось о тротуар. Волосы упали на налившееся кровью лицо, а когда о землю стукнулась голова, сердце деформировалось и лопнуло. Переломанные в крошку ребра и порванные легкие взорвались ярко-красной вспышкой эритроцитов, плазмы и лейкоцитов, и тело распласталось, словно это не оно упало на тротуар, а тротуар вошел в него. И через миг на тротуаре виднелась только бесформенная масса, которая вовсе не была Керри Лоу. Керри Лоу здесь не было, ее не было нигде. Разве что где-то и существует великая тайна, сильнее ее, сильнее всех нас. Ибо, как написал один аргентинский писатель, «Вселенная не устанавливает никакого всеобщего порядка, для этого нужен человек».)

Данные

1

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ.

Дождь не прекращался все последующие дни, и становилось все жарче. Когда Мойра сошла с борта рейса «Катай Пасифик СХ260», вылетевшего из Парижа, из аэропорта имени Шарля де Голля, во вторник 26 июня, Гонконг выглядел, как обычно выглядит с мая по август: парилкой, хамамом под открытым небом.

Зато международный аэропорт Чек-Лап-Кок, с его кондиционерами, державшими температуру плюс 20, напоминал холодильник. Когда Мойра получила чемодан и дошла по сверкающему холлу до таможенного и паспортного контроля под большим световым панно «Шопард», уже в середине очереди ее начало познабливать. Мойра оделась соответственно прогнозам путеводителей, которые на это время года обещали субтропическую жару и высокую влажность. Холод охватил ее еще в самолете, но бизнес-класс «Китайских авиалиний», кроме туалетного набора, еды и питья в любом ко-

личестве, обеспечивал пассажиров теплыми одеялами и тапочками.

Она вылетела из Руасси вчера около 13.10, плотно позавтракала сразу после взлета, потом, опустив шторку иллюминатора, создала себе искусственную ночь, с помощью кучи всяческих кнопок превратила свое сиденье в удобную кровать и завалилась спать. А самолет на высоте одиннадцати тысяч метров летел на восток над Европой, Россией и Китаем.

И здесь, над облаками, в тяжелом забытии, ей опять приснился сон, который преследовал ее все время, пока она готовилась к поездке в Гонконг. *Сон про китайца...* Ей снилось, что она совершает привычную утреннюю пробежку по берегу Сены: Аустерлицкий мост, набережная Сен-Бернар, мост Сюлли, Турнельские ворота, набережная Монтебелло, Новый мост, мост Искусств... Она легко бежит по шершавой брусчатке, мимо барж, причаленных в тени берегов, мимо домов на острове Сен-Луи, мимо аркбутанов Нотр-Дам, выступающих на фоне облаков. А потом, все так же бегом, поднимается по лестнице к своей маленькой квартирке под самой крышей на улице Кардинала Лемуана, откуда открывался точно такой же вид, как и в тот день, когда сербский студент Гаврило Принцип убил эрцгерцога Франца-Фердинанда Австрийского. И в тот момент, когда она открывает дверь, словно ниоткуда возникает китаец, бросается на нее и вталкивает внутрь. Дальше все происходит очень быстро, но

быстрота смены образов позволяет дать определение тому, что произошло: *насилие*.

Мойра внезапно проснулась в своем высокотехнологичном коконе в спящем салоне, и обрывки сна, потрясшего ее своей реальностью, долго не отпускали ее сознание...

– Паспорт.

Очередь вдруг стала двигаться. Несомненно, китаец на паспортном контроле был моложе и subtilнее того, что приходил во сне, к тому же он изучал ее лицо без тени улыбки. Вгляделся в паспорт, в рабочую визу и в анкету, которую ей дали заполнить на борту. Потом снова уставился на молодую женщину. Со своими светло-каштановыми волосами, черными, как угли, миндалевидными глазами и резко очерченными губами она вполне могла бы сойти за китайку. В то утро на Мойре были джинсы с модными широкими дырками, сквозь которые виднелись загорелые колени (она провела неделю отпуска на Сицилии, поскольку прекрасно понимала, что отпуска у нее еще долго не будет). Ансамбль дополняли белые спортивные сандалии, футболка с надписью «Я НЕ АНТИСОЦИАЛЬНА, ПРОСТО НЕ ЛЮБЛЮ ТРЕПОТНЮ» и черный пирсинг в левой ноздре. Ну просто типичная француженка. Нетерпение и раздражение, с какими она отвечала на вопросы, тоже были типично французскими.

– Француженка?

«Там же написано, – подумала она. – Он что, хочет, чтобы я ответила, что я трансвестит из Булонского леса?»

– Да. Я француженка.

– И вы прибыли в Гонконг на работу?

– Да. В «Мин инкорпорейтед».

Он покачал головой.

– О!.. Мин... Это очень солидная компания... *Китайская*...

Интересно, что он имел в виду: может, китайская – в смысле, в Китае? Но компания находилась в Гонконге. Хотя город двадцать два года назад и вернулся под юрисдикцию своего могучего соседа, здесь каждый год 1 июля проходят манифестации с требованиями снова признать его британской колонией на территории Китая.

– Вы специалист по информатике?

– В какой-то мере...

Она тотчас же пожалела, что дала такой уклончивый ответ, но он, то ли по привычке, то ли из полного безразличия, придирается не стал, а просто вернул ей паспорт и произнес вежливо, но холодно:

– Добро пожаловать в Гонконг.

Мойра сунула паспорт в поясную сумку и прошла контроль, таща за собой чемодан на колесиках по полу, такому чистому, что на нем, наверное, можно было обедать. Двери распахнулись и вывели ее в зал прибытия, где в толпе она сразу увидела мужчину в темном костюме, который размахивал табличкой: «Мойра Шевалье». У него было широкое плоское лицо. Улыбаясь и почтительно кланяясь, мужчина

попытался взять у нее чемодан, но она от его любезности отказалась. Любая иерархия между людьми за пределами рабочей территории была для нее неприемлема. «Но ведь это же часть его работы?» – подзуживал ее вызывающий голосок, который любил ей противоречить. «Ну да, и что с того? Кончились времена камердинеров, вроде Реджинальда Дживса»².

С другой стороны зала сквозь стеклянную стену виднелись поросшие лесом холмы и высокие прямоугольники жилых домов, залитых проливным дождем. Едва выйдя из аэропорта, Мойра испытала первый шок: она столкнулась сразу с тридцатисемиградусной жарой и девяностопроцентной влажностью. А ведь было всего восемь утра. Дождь молотил по крыше «Тесла Модел S», припаркованного перед дверьми. Элегантный седан, целиком на электрическом ходу, выглядел как дикий зверь, готовый к прыжку. Укрывшись под зонтиком, шофер распахнул перед ней заднюю дверцу. Мойра собралась было сесть спереди, но увидела на сиденье ящичек, который словно только ее и дожидался. Она попросила шофера дать ей минуту, чтобы вдохнуть смертельную, но такую необходимую сейчас дозу никотина.

Затем забралась в продезинфицированное пространство автомобиля, и ее внимание сразу привлекла песня, звучащая в приемнике. Мойра нахмурила брови. *Эту песню она*

² Реджинальд Дживс – персонаж романов П. Г. Вудхауса, камердинер молодого британского аристократа Берти Вустера.

знала... Мало того, это была одна из любимых ее песен. «Трепет исчез...», «Thrill is gone...», на записи ее пел Би Би Кинг вместе с Эриком Клэптоном:

Трепет исчез, трепет исчез навсегда,
Трепет исчез навсегда, крошка...

Она поудобнее устроилась в кресле и улыбнулась. Жизнь порой дарит нам такие совпадения... И некоторые из них кажутся чем-то большим, нежели просто совпадения: знаменьями судьбы, пророчествами, которые, как дорожные знаки, стоят на каждом перекрестке нашего жизненного пути.

Знаешь, ты плохо со мной обошлась
И однажды об этом пожалеешь...

На миг Мойра отдалась на волю мелодии и слов и уплыла вместе с ними под дождь. Потом шофер дал газу, и «Тесла» рванула вперед. Мотор наращивал обороты невероятно бесшумно. Центр панели управления занимал экран размером с небольшой телевизор.

Мойра тем временем занялась ящичком, лежащим на переднем сиденье. Прямоугольный и плоский, размером примерно сорок на тридцать пять сантиметров, он походил на коробку для сигар. На блестящей черной крышке сверкали белые иероглифы – она не смогла бы сказать, был ли то кан-

тонский или мандарин³ – и ее имя кроваво-красной латиницей: «Мойра Шевалье». Справа внизу – логотип «Мин инкорпорейтед», выполненный в минималистской манере, а-ля иероглиф.

Стилизованная золотая буква М... «М» может означать тайну. «М» может означать магию. А может и миллиардера⁴.

Подарок для дорогого гостя...

Мойра почувствовала, как сильнее забилося ее сердце. Дурацкий условный рефлекс, который возникает у любого при слове «подарок». Он годами вырабатывается бесчисленными праздниками: Рождеством, днями рождения и кучей других торжественных моментов. Мойра подняла крышку. Внутри лежало что-то накрытое шелковистой бумагой, легкой, как мысль, и такой же красной, как буквы. Она приподняла бумагу и обнаружила там белый планшет с сенсорным экраном и черный мобильник. На обоих в правом нижнем углу красовалась все та же золотая буква М.

Хотя ее внимание и переключилось на подарок, краем уха Мойра уловила, что вслед за блюзом Би Би Кинга зазвучала другая песня – «Божий замысел», «God's Plan» Дрейка⁵.

³ Кантонский и мандаринский (мандарин) – два наречия в китайском языке. На мандаринском говорят в основном в Северном Китае, кантонским преимущественно пользуются в Южном Китае и Гонконге.

⁴ Во французском языке все эти слова начинаются на букву М: *mystérieux* (таинственный), *magique* (магический), *milliardaire* (миллиардер).

⁵ Дрейк (наст. Обри Дрейк Грэм, р. 1985) – канадский рэпер, композитор, продюсер и актер.

Да, все достают меня, достают, достают и достают... Йо!..

Как получилось, что прозвучали одна за другой две первых песни из плейлиста ее мобильного?... *Нет, простым совпадением это быть не могло...*

Она склонилась над подаренным телефоном, который достала из ящичка, и ее поразил его сверхтонкий и элегантный футуристический дизайн. На обратной стороне были три фотокамеры, не меньше. Мойра где-то читала, что доводку оптики производили на немецком оптическом заводе «Лейка», и качество снимков было потрясающее.

Затем она взялась за планшет.

«Тесла» въехала в район небоскребов, и Мойра подняла глаза. Таких мерзких домов она никогда еще не видела. Мимо окон проплывали серые однообразные муравейники с тысячами крошечных квартирков. В следующий миг машина нырнула в туннель, проложенный под зеленым холмом, а когда вынырнула, Мойра увидела мосты, перекинутые через узкий пролив – аэропорт располагался на острове, – и снова множество противных небоскребов. Теперь ее внимание разделилось между пейзажами за окном и предметами из ящичка, что лежал рядом с ней на сиденье.

– Включите планшет, не стесняйтесь, – сказал шофер, глядя на нее в зеркало заднего вида; физиономия у него была, как у мальчишки, который приготовил отличный розыгрыш.

Когда Мойра нажала кнопку и включила гаджет, внутри у нее все сжалось, словно этим простым движением она подключила себя к необратимому процессу. А разве не так? Принимая место в компании «Мин инкорпорейтед», она знала, что пустила свою жизнь в крутой вираж...

Экран засветился, и Мойра испытала первое потрясение – на нем появилась мозаика снимков: пейзажи, портреты, селфи... вот они с матерью на каникулах в Кибероне... вот снимки, сделанные в Таиланде, в Нью-Йорке, Мехико, Британии... Все фотографии были ей хорошо знакомы, потому что *это снимала она сама...* И все их скопировали из памяти ее телефона. На какую-то долю секунды Мойра вообще ни о чем другом не могла думать, мозг заполнился множеством беспорядочных вопросов. Но и разобраться во всем этом, немного придя в себя, тоже возможности не представилось, потому что на экране появилось сообщение:

Привет, меня зовут Лестер. Я руковожу Отделом искусственного интеллекта в «Мин инкорпорейтед». Буду признателен, если перейдешь по нижней ссылке.

Лестер... звучит не очень-то по-китайски. Но ей было известно, что многие гонконгцы носят английские имена. Да и вообще в Китае, где имя можно менять по нескольку раз, английские имена весьма в моде.

Мойра перешла по ссылке, и тотчас же на экране включилось видео. На фоне деревьев и каких-то футуристических

зданий крупным планом появилось лицо, в котором не было ничего азиатского.

Лестер был рыжим из рыжих, этакий бородатый эльф-лепрекон из ирландского фольклора, веселый и проказливый домашний дух с молочно-белой кожей. Он явно, как и все рыжие, не любил солнышка. Зеленые, чуть навывкате, глаза внимательно изучали ее, а когда он открыл рот, Мойра заметила неровные зубы, что вовсе не умаляло его обаяния. И сразу почувствовала, что они с Лестером хорошо друг друга понимают.

– Добрый день, Мойра! Добро пожаловать в Гонконг! Тут все очень рады твоему приезду, и всем не терпится с тобой познакомиться и поскорее увидеть новую сотрудницу Отдела искусственного интеллекта. Я знаю, что ты работала в FAIR⁶ в Париже. Не переживай, здесь ты не будешь чувствовать себя оторванной от родины: в центре много французов, и еще человек тридцать из других стран, так что не все здесь китайцы.

Он весело хлопнул в ладоши.

– Сама увидишь: Центр ни в чем не уступает ни «Гугл-плексу», ни резиденции «Фейсбука» в Менлоу-Парк, хотя он и чуть меньше. Разговорный язык здесь, конечно же, английский. Значит, ни кантонский, ни мандарин учить не надо. Ясненько? – спросил он с потешным кантонским акцентом.

⁶ FAIR – Fair Access to Insurance Requirements: «Справедливый доступ к страхованию», федеральная программа США.

Она все это уже знала. Иначе не получила бы рекомендацию, поскольку не владела ни кантонским, ни мандарином.

– И вот еще что: в столовке есть черничный чизкейк и фраппучино⁷ со взбитыми сливками, – шепнул Лестер и подмигнул.

Мойра снова удивилась. Откуда он знал, что это ее любимый напиток? Еще одно совпадение? Она сгорала от желания задать ему этот вопрос, но на экране было записанное видео, в уголке даже имелось обозначение дня и часа записи: 25 июня 2019 года, 20:13. Это послание было отснято, когда она еще находилась в самолете.

– Точнее, в шести бесплатных столовых и кафе, которые найдешь в кампусе, – уточнил Лестер. – Лично я сам не свой от лимонада, зеленого чая и ананасов... А гамбургеры у них – отпад. Но ты сама все увидишь завтра. А сегодня в управлении у тебя назначена беседа с главным боссом. – (При этих словах у нее свело все внутренности.) – Да успокойся, ничего особенного. Тебя проводят в отель, и в три часа за тобой придет машина. У тебя еще есть время отдохнуть и расслабиться, тем более, что в бизнес-классе было довольно холодно, правда?

Интересно, он разыгрывает из себя непосредственного обаяшку или и в самом деле такой?

– А пока ждешь, тебе придется немного потрудиться... У

⁷ Фраппучино – холодный напиток из кофе, молока и фруктового сока с кусочками льда и взбитыми сливками.

тебя на экране есть иконка, на ней изображено лицо. Кликни по ней и поставь планшет вертикально перед собой. Голос даст тебе инструкции. Мы разработали программу для распознавания лиц. Благодаря ей тебе не надо будет вводить пароль, когдаходишь в планшет: встроенная камера сама включится при его включении. И при входе в Центр не нужны будут ни бейджик, ни магнитная карта: в кампусе более четырехсот камер, информация с них поступает в службу теленаблюдения и на компьютер, который распознает лица тысячи двухсот сотрудников. Планшет запишет и твой голос: у нас разрабатывается программа распознавания голосов, но она менее эффективна, учитывая обилие посторонних шумов. Ты все поняла?

Вопрос был риторический, ибо запись вовсе не предусматривала ответ, но Мойра поймала себя на том, что кивнула.

– Ну и, само собой, мы просим тебя с этого момента во всем, что касается работы, пользоваться только инструментами «Мин». Вот, пока всё. Увидимся завтра на экскурсии. Повторяю: всем не терпится с тобой познакомиться. Хорошего дня, и до завтра!

Видео кончилось, лицо Лестера исчезло, и Мойра еще несколько секунд переваривала информацию. Она отдавала себе отчет, что песни, которые звучали в салоне автомобиля, были ей так же хорошо знакомы, как и две другие: «Wild is

the Wind» и «The Thin White Duke»⁸. Они были написаны в эпоху, когда Боуи жил на кокаине, перце и молоке, обитал в доме, заставленном египетскими древностями, зажигал черные свечи и все время боялся, что колдуны похитят его семью. *Но, черт возьми, из динамика в салоне «Теслы» неслись песни ее плейлиста.*

⁸ «Wild is the Wind» и «The Thin White Duke» – хиты Дэвида Боуи (1947–2016), английского певца, композитора, продюсера и актера.

2

Низкие тяжелые облака, накрывшие город, чуть раздвинулись, пропустив серебристые и коралловые отблески, когда «Тесла» припарковалась у подножия Международного торгового центра, самого высокого небоскреба Гонконга в Коулуне. Если верить путеводителям, отель «Ритц Карлтон», занимавший верхние этажи, между сто третьим и сто восемнадцатым, был тоже самым высоким в мире.

Из-под широкого навеса к ним поспешил портье, знаком подождав перевозчика багажа, и тот подогнал золоченую тележку прямо к багажнику машины. Жаркий ветер растрепал волосы Мойры и плотно прибил футболку ей к животу. На площадке за отелем виднелась строящаяся башня почти такой же высоты, что и «Ритц Карлтон». Отсюда эта конструкция из стальных балок, одетая в бамбуковые леса, казалась на удивление хрупкой. Мойра вышла из-под навеса на краешек площадки и увидела внизу возле башни несколько бетономешалок и целую армию рабочих, сновавших среди мусора и цементной пыли. Макушку этой головокружительной конструкции венчала гигантская буква М.

Вернувшись под навес, Мойра заметила за небольшим кустиком у края стоянки пепельницу, обозначающую, что здесь расположено место для курения. Двое джентльменов лет пятидесяти внимательно ее оглядели, и каждый протянул ей

свою пачку сигарет. Но она решила сначала зарегистрироваться и заселиться и прошла через холл к лифтам. Посыльный тут же вызвал один из них.

На сто третьем этаже Мойра вошла в вестибюль, выдержанный в темных тонах, где преобладали гладкие блестящие поверхности и китайский лак. На ресепшне молодой человек выдал ей магнитный ключ от номера и карту с печатью «Только для членов клуба». Мойра впервые в жизни ночевала в пятизвездочном отеле и понятия не имела, кому и в каком размере здесь положено давать чаевые.

– Здесь есть пять ресторанов, два из них высшего класса, и бар «Озон» на последнем этаже, самый высокий во всей Азии, – сказал молодой человек и дал Мойре несколько разъяснений, где что можно найти.

– А в «Озоне» и в холле можно курить?

– Только в «Озоне», на сто восемнадцатом этаже. Для курильщиков там есть галерея на открытом воздухе. Мне понадобится ваша кредитная карта, будьте любезны, – сказал он и сверился с экраном. – Ах, нет, прошу меня извинить: все расходы, включая мини-бар и питание, взяла на себя «Мининкорпорейтед».

И он улыбнулся елейной улыбкой.

Следуя его указаниям, Мойра миновала второй лифт сто третьего этажа, свернула направо и по мрачноватому, как пещера, коридору, застеленному толстым, гасящим звуки шагов ковром, дошла до номера *113 16*. Толкнув тяжелую зву-

конепроницаемую дверь номера, сначала увидела только кофейную зону, кофемашину с дозатором и мини-бар, потом столик, на котором стояла корзина с фруктами. Вход в номер изгибался под углом, и остальной части не было видно. Она вспомнила, что в Гонконге архитекторы строго соблюдали традиции фэн-шуй, и одна из них настоятельно не рекомендовала входить в дом или в комнату по прямой. Между входом и помещением обязательно должны быть угол или ширма, ибо «злые духи всегда располагаются на прямой линии». «Удивительно, что в ультрасовременном небоскребе придерживаются таких древних правил», – подумала Мойра, но через секунду позабыла обо всем на свете. Пройдя еще пять шагов по коридору, она очутилась в просторной комнате, где две стены, от пола до потолка, были полностью из стекла. А за ними открывалась самая потрясающая панорама из всех, что ей когда-нибудь доводилось видеть.

Она находилась примерно в четырехстах пятидесяти метрах над землей. Все окрестные здания остались где-то под ногами. *Самый высокий отель в мире...*

У Мойры создалось впечатление, что она висит в воздухе у самого неба. А внизу простирался гигантский, хаотично застроенный город. Она увидела ленту небоскребов на берегу серого моря, пирсы, доки, множество крошечных корабликов, бороздящих почти черную воду, а над всем этим – холмы, тонущие в облаках, готовых вот-вот пролиться дождем. Капли влаги на оконном стекле слепили глаза. Все это вели-

колепие освещал один-единственный жемчужно-радужный луч прожектора. Мойра взяла свой телефон, чтобы поискать «Гугл-карты», а потом вспомнила, что ей только что вручили телефон «Мин», и надо бы его опробовать. Включив телефон, она поискала иконки поиска – и сразу нашла. Собственно, телефоны ничем друг от друга не отличались: и у того, и у другого топонимы на карте обозначались на кантонском, английском и французском. Мойра попыталась сориентироваться, где сейчас находится. Справа, по ту сторону пролива, возвышалось здание, похожее на чудовищное насекомое из-за торчащих в разные стороны антенн. Китайский банк... Сбоку от него – канонерская лодка, башня HSBC⁹. А вон то здание, похожее на раковину, должно быть, Гонконгский дворец ассамблей и выставочный зал... А вот это – гора Пик; она с угрозой нависает над всеми, как мощный великан, достающий головой до облаков.

Мойра прошла еще немного и посмотрела налево. По эту сторону залива раскинулся огромный беспорядочный Коулун: небоскребы и башни высотных домов, ущелья улиц, настоящий вавилонский лабиринт, обычно кишачий людьми, а сейчас вычищенный дождем и грозой. Она знала, что в Гонконге больше 7800 жилых высоток, что составляет мировой рекорд, и три сотни зданий, превышающих в высоту 150 метров, то есть примерно сорок этажей. Для сравнения: в Париже их только восемнадцать, а в Лондоне – шест-

⁹ HSBC – один из крупнейших банков Великобритании.

надцать. В этом поразительном гигантском улье из бетона, стали и асфальта выше пятнадцатого этажа обитает гораздо больше народу, чем ниже. Мойра же выросла в пригороде Парижа, где жилые дома редко превышали десять этажей...

Здесь ей предстоит провести ближайшие месяцы. Именно сюда она приехала искать свою правду. Здесь ее ожидала судьба.

3

Надо было снова покурить. На одном лифте Мойра спустилась до сто третьего этажа, а потом – на другом – до первого.

Маленькая курительная площадка располагалась за стоянкой элитных автомобилей и столбиками «Теслы». Интересно, что будет, если она закурит вне пределов площадки?

Когда Мойра вернулась в номер, там ее уже дожидался чемодан. Она вынула оттуда одежду и нижнее белье и аккуратно разместила все в шкафу между письменным столом и ванной, потом расставила в ванной туалетные принадлежности.

В чемодане между путеводителями «Одинокая планета» и «Нэйшнл джиогрэфик» лежала фотография в серебристой рамке. Мойра достала ее и поставила на ночной столик. С фотографии смотрела женщина лет тридцати, с теми же мягкими каштановыми волосами и формой подбородка, что у Мойры, но с другими глазами: не миндалевидными, а круглыми и какими-то растерянными. Они так пристально глядели в объектив, что от их взгляда становилось не по себе. И невозможно было не заметить недобрый отсвет в блестящих и одновременно тусклых прозрачных зрачках. В них светилось безумие.

В памяти вдруг всплыла картина: домик возле мельницы

в Каньи, к востоку от Парижа, на улице Пти-Рантье, утопающий в зелени сада. Там Мойра выросла, там провела детство вместе с матерью. В этом красивом четырехуровневом доме (если считать подвал, где стояли старинный умывальник и электрический бильярд) вместе с ними жил золотистый ретривер-девочка. Дом наполнился разноцветной мебелью, и в нем была куча ламп и светящихся гирлянд. Гирлянды свисали с люстр, с перил, с очаровательных деревянных балконов (мама боялась темноты). В кухне стояла большая старинная плита, вдоль лестницы висели фотографии. В дождливые дни на стенах появлялись улитки. А в дальнем углу сада постоянно слышался шум поездов, идущих в Париж.

Однажды Мойра вернулась из школы с привычным ранцем за спиной и каким-то завернутым в мятую подарочную бумагу предметом в руках. Это была неказистая чашка, которую она сама расписала по случаю Дня отца. *А отца у нее не было...* Потом, уже гораздо позже, Мойра поняла, что учительница просто не хотела ее травмировать, не допустив до работы в мастерской, но на тот момент ей казалось абсурдным мастерить подарок для того, кого не существует. Что ей с ним делать? Кому подарить? Она вошла в заржавевшие ворота, прошла по аллее, отпихнув ногой пластмассовую свинку, которая от удара недовольно взвизгнула, и поднялась по замшелым ступеням крыльца, заставленного цветочными горшками.

– Что это у тебя такое? – спросила мама, увидев у нее в

руках пакет.

В то время ее разум уже отбыл в Зазеркалье, в страну под стать территориям «Алисы в Стране чудес» или «Охоты на Снарка». В этой стране царила иррациональная логика, ключом к которой владела только она одна. Логика нонсенса, странных составных слов, анаморфозы¹⁰ и паранойи¹¹, а кроме того – сексуальной абстиненции. Мать была переводчицей и, когда не занималась какими-нибудь брошюрами для предприятий в своем кабинете на первом этаже, целые дни напролет натирала полы, что-нибудь намывала, перебирала, раскладывала по порядку, начищала, прополаскивала, вытирала пыль, дезинфицировала или упаковывала. При этом в доме были под запретом такие выражения, как Желание, Эротизм, Сладострастие, Удовольствие, Наслаждение, Игра, Радость... В то время Мойра считала, что все мамы такие: властительницы душ, всегда готовые осудить, приговорить и наказать. Все они – грозные монархини во главе своих домочадцев.

В тот июньский вечер Мойра дрожащей рукой протянула маме пакет.

Мама с подозрением взглянула на него, разорвала пода-

¹⁰ Анаморфоза – «зрительная обманка», когда при определенном ракурсе бессмысленная, искаженная картина вдруг обретает конкретный и четкий образ.

¹¹ Паранойя – психическое заболевание, при котором искажается оценочная и причинно-следственная связь явлений. Большой любой пустяк может воспринять как заговор против себя, как попытку его унижить. Очень часто на таком фоне у больного развивается мания величия или мания преследования.

рочную бумагу и достала чашку, на которой дочка корявыми буквами вывела: «СПРАЗДНИКОМ ПАПА». Чашка разлетелась по полу на мелкие кусочки, а Мойре сразу же прилетела оплеуха.

– Маленькая мерзавка! – прошипела мать. – Маленькая грязная шлюха! Гадкая развращенная тварь! С тебя никакого проку! И ничего хорошего из тебя не получится!

Мойре тогда было девять лет.

* * *

Прошло два с половиной года. И однажды мать села за руль, изрядно выпив и приняв несколько разных психотропных таблеток (это показал анализ крови при вскрытии). Вдруг ей нестерпимо захотелось мороженого, и она отстегнула ремень безопасности и бросила свою черную сумку с золотой ручкой на пассажирское сиденье. Взяв резкий старт, вихрем пронеслась мимо мэтра Делькура, их соседа, окружного адвоката по уголовным делам, на полной скорости рванула по улице 11 Ноября, снесла знак «стоп» и метров через двести врезалась в рефрижератор с рекламой замороженных продуктов на борту. Властительница душ безвозвратно ушла со сцены. Мойру отправили сначала к бабушке, а потом, когда через полтора года та умерла от разрыва аневризмы, – в приемную семью.

В маминой сумке нашли авторучки, платочки «Клинекс»,

мятные леденцы, связку ключей, солнечные очки «Шанель», набивной шелковый шарфик от Кардена и записную книжку «Молескин», заполненную крошечными, неразборчивыми каракулями; перо так царапало бумагу, что на ней получались дырки. Еще в сумке было множество маленьких бутылочек с водкой, джином, виски «Джек Дэниэлс» и «J am;B», а самое главное – несметное количество транквилизаторов, анксиолитиков, снотворных, нейролептиков и антидепрессантов. На таких, как мать Мойры, наверное, изрядно наживались фармацевтические лаборатории. Комплект дополнял аэрозольный баллончик с перцем.

* * *

Еще воспоминание: сено под навесом, бабушка с дедушкой, департамент Жерс. Французская пастораль. Мойра ездила туда каждое лето. Дед был учителем математики в колледже. А когда вышел на пенсию, занялся разведением кроликов, и на каникулах они вместе с дедом кормили их и ухаживали за ними.

– Представь себе, что у меня есть только одна пара кроликов, – говорил ей дед, когда они по утрам обходили крольчатники. – Крольчата становятся взрослыми через два месяца, а потом каждый месяц производят на свет еще одну пару, улавливаешь? А когда подрастут и эти кролики и тоже произведут потомство, то сколько пар кроликов ты получишь

каждый месяц?

Мойра обожала дедовы загадки. Но справиться с ними было нелегко, приходилось изрядно поломать голову.

– В первый и второй месяц не будет ни одной новой, так и останется всего одна пара... Но к концу третьего пар будет уже две... На четвертый месяц крольчата будут у первой пары, но не у второй: значит, имеем уже три пары. На следующий месяц крольчата будут у первой и второй пары, а у третьей – нет... Имеем еще две пары, итого пять. На следующий месяц...

Дед улыбнулся.

– Знаешь, ты действительно большая умница. И в самом деле, в любом последующем месяце число пар кроликов всегда будет равно сумме пар в двух предшествующих месяцах. То есть получается: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 и так далее. Это называется последовательностью Фибоначчи... А ты знаешь, что индусы называют «ноль» санскритским словом «шунья», что значит «пустота», «отсутствие»?

Дед привил ей вкус к цифрам. Летние каникулы, проведенные с ним, были самым счастливым временем. Она часто спрашивала себя, нет ли большой доли влияния деда в том, что она попала сюда? Дед, конечно, часто молол вздор, особенно перед смертью. Он без конца пересказывал одни и те же истории, хотя Мойра все их уже знала наизусть.

– Теорема Пифагора ему вовсе не принадлежит, – утверждал он. – На табличке, найденной в Древнем Вавилоне, пи-

сец обозначил штук пятнадцать троек целых чисел, где сумма квадратов двух равна квадрату третьего... Это за тысячу лет до Пифагора!

Пифагор был любимой темой деда. А еще – происхождение цифр, число золотого сечения, фокус с увеличением числа пшеничных зерен на шахматной доске... Соседи деда очень любили, хотя и считали, что он немного «того».

Слишком умные люди всегда немного чокнутые, говорила соседняя фермерша. Деда нашли мертвым однажды вечером в гамаке под смоковницей; на животе у него лежал магический квадрат, который он только что закончил рисовать. А вокруг, насколько хватало глаз, простирался идиллический пейзаж, где дед наперечет знал все дома, фермы, а может, и деревья. Мойре было одиннадцать лет.

– Не становись такой, как твоя мать, – сказал ей как-то дед незадолго до смерти.

Тогда она не поняла, что он имел в виду.

4

Было 15.02, когда она получила сообщение на свой новый телефон «Мин». «Тесла» ждала ее внизу. Мойра внимательно оглядела себя в зеркало ванной комнаты. Она сменила дырявые джинсы на более классические, майку с озорным слоганом на черно-белую полосатую кофточку с короткими рукавами, но пирсинг оставила. В животе у нее ворчали псы стресса и страха, и тоненький голосок-пораженец, знакомый с детства, не преминул высказаться: «Ты что, и впрямь думаешь, что соответствуешь всем их требованиям, цыпочка?»

«Да пошел ты...» – мысленно огрызнулась Мойра на голосок, подозрительно напоминавший голос матери.

Она была готова к встрече. Заранее все отрепетировала, нарезая круги вокруг огромной кровати, приготовилась к любым вопросам-ловушкам, которые мог задать ей шеф, и оживила в памяти все, что знала о «Мин инкорпорейтед». Наконец, решив расслабиться, приняла полтаблетки лексомила¹² и запила его пивом «Цинтао».

После этого приняла душ и почистила зубы.

«Да пошел ты», – повторила она.

Чтобы приободриться, сказала себе, что на самом деле никаких проблем нет, ничего особенного. Она довольно легко прошла процедуру приема на работу во французском фили-

¹² Лексомил – один из видов транквилизаторов.

але «Мин инкорпорейтед» в Париже, на авеню де Ваграм. Процедура растянулась на три дня, но Мойра выдержала испытание с честью.

«Говоришь, ничего особенного? Шутишь, что ли? Ты сейчас встретишь ЕГО. Собственной персоной, вживую. Это что, по-твоему, – ничего особенного?»

От этой мысли сдавило под ложечкой. Мин Цзяньфен. Владелец состояния в 290 миллиардов юаней. Президент и основатель «Мин инкорпорейтед». Человек-миф, человек-легенда. Голосок, пожалуй, был прав. Встретиться с ним – все равно что встретиться со Стивом Джобсом, Биллом Гейтсом, Илоном Маском или Джефом Безосом вот так, вживую. У себя в комнатке под самой крышей Мойра проводила бессонные ночи за компьютером, при свете одного только экрана исследуя все ответвления империи «Мин», забывая об усталости и о том, как быстро летят часы. Она свела воедино всю доступную информацию. В Китае, где на миллиард жителей приходилось всего около сотни имен, было столько же Минов, сколько Ли или Ванов, не говоря уже об исторических династиях, в которых Мойра тоже покопалась, уточнив запрос «Мин Цзяньфен». Ответов она получила около десяти миллионов.

Первая страница вобрала в себя заголовки вроде таких: «Гигант китайского Интернета Мин заявил о намерении внедриться в Биржу», «Китаец Мин назначает перебежчи-ка из „Гугла“ главой своего Департамента искусственно-

го интеллекта», «До каких пределов намерен идти „Мин“, китайский гигант?», «„Байду“, „Алибаба“, „Тансен“, „Сяо-ми“ и „Мин“ – эта невероятная китайская GAFA¹³... Самой свежей была статья из швейцарской ежедневной газеты «Время», в которой говорилось о предстоящем вступлении «Мин» в Биржу Гонконга:

Китаец Мин пытается проникнуть в Биржу Гонконга.

Эта операция, которая позволит фирме поднять ставку до 20 миллиардов долларов США, будет самой значительной на международном рынке за последние четыре года.

Китайский смартфонный гигант «Мин» подал заявку на вступление в Биржу Гонконга. Согласно информации финансового агентства «Блумберг», которое опубликовало этот предварительный документ, операция позволит увеличить капитализацию компании до 20 миллиардов американских долларов. Такая сумма даст китайской фирме, базирующейся в Пекине и Гонконге, повысить свою цену до 120 миллиардов долларов. Это будет самым крупным IPO после операции коммерческого гиганта электроники «Алибаба» в Нью-Йорке в 2014 году с подъемом капитализации на 25 миллиардов долларов, как уточняет гонконгская ежедневная газета «Саут Чайна морнинг пост».

¹³ GAFA – Google, Amazon, Facebook, Apple – так называемая «Банда четырех», то есть крупные американские онлайн-сервисы и компьютерные компании, доминировавшие на рынке в 2010-х гг.

В третьем trimestre 2018 года «Мин» был вторым в списке производителей смартфонов, находясь за «Самсунгом» и перед «Эпплом». Кроме того, в прошлом году в «Мин» объявили, что присоединились к замкнутому сообществу крупных предприятий телекоммуникации, способных производить процессоры. Даже если подавляющее большинство своей продукции группа сбывает в Китае, она прорвалась на зарубежные рынки, в первую очередь Индонезии, России и Индии, и объявила, что в ближайшем будущем они будут осваивать территории в Европе и в Соединенных Штатах. Это произойдет в основном благодаря появлению приложения под названием «DEUS». Приложение должно произвести революцию в мире чатботов, то есть аппаратуры для быстрого общения, и станет настоящим эльдорадо, за лидерство в котором гиганты цифровых технологий будут вести беспощадную войну.

Мойра сохранила статью и продолжила изыскания. Из них вытекало, что слово, которое могло бы лучше охарактеризовать Мин Цзяньфена, так и оставалось тайной. О нем было известно очень мало, разве что о его патологической скрытности. За те двадцать девять лет, что Мин руководил «Мин инкорпорейтед», он дал всего одно интервью. Да и то немногое, что о нем знали, больше походило на хорошо продуманное сообщение, чем на достоверные факты. Он родился в 1950-м (в год Тигра). Вдовец, отец двоих детей. Сын Джулиус окончил колледж Винчестер в Лондоне и стал членом ад-

министративного совета группы. Дочь Пин Йе была одним из самых близких советников отца, пока в 2013 году не погибла при спуске с горного склона на парашюте. Говорили, что после ее смерти Мин еще больше замкнулся в своем одиночестве и паранойе.

Он вырос в центре Китая, дождливом горном районе Гуйчжоу, в провинции бедной и изолированной от остальных. Легенда гласит, что в детстве Мин сторонился людей, друзей у него было мало и в начальной школе, и в колледже и лицее, а потом и в военном училище. «Нелюдимый мальчик с дождливых гор» – так называлась посвященная ему статья. Бывший солдат Народной освободительной армии, член Компартии Китая и Национального комитета по политическому просвещению китайского народа, Мин покинул администрацию и в 1989 году перешел в частный сектор, где дебютировал в малопонятных делах. «Уолл-стрит джорнал» сообщает, что индийское правительство расценило его связи с китайской армией и партией как препятствие в подписании некоторых контрактов в области обороны, но это не помешало Мину занять позицию сетевого гиганта, а затем и монополиста мобильной телефонии, способного за год экспортировать 139 миллионов смартфонов. В 1995 году, сопровождая китайскую делегацию в Соединенные Штаты, он открыл для себя Интернет и наблюдал, как функционируют недавно созданные интернет-компании. Вернувшись в Китай, Мин тотчас же создал первую коммерческую платфор-

му для торговли электроникой. В 2011-м он с большой помпой выпустил свой первый телефон, авангардный по дизайну и технологии, а главное – гораздо дешевле, чем телефоны конкурентов. Чтобы снизить цену, Мин торговал напрямую, минуя посредников, и делал ставку не на колоссальные траты на рекламу, а на передачу информации «из уст в уста». Успех не заставил себя ждать.

Однако Мин сознавал, что стареет, а его предприятие нуждается в «свежей крови» и в новых рынках сбыта. А потому он принялся черпать силы в рядах противников, переманивая более высокими зарплатами и участием в прибылях экспертов по искусственному интеллекту из «Гугла», «Фейсбука» и «Сяоми», своего китайского соперника. Создалась междисциплинарная команда сотрудников, принадлежащих ко многим разным культурам. Все они были приглашены в Центр, в лабораторию исследований и разработок «Мин инкорпорейтед», находившуюся на полуострове Сай-Кун, к северо-западу от Гонконга и его новых пригородов, на десяти тысячах пятистах гектарах Национального парка. Эта гористая и лесистая местность была великолепно защищена от безумия гонконгских многоэтажек извилистой береговой линией и пляжами с белым песком.

В своем единственном интервью 2016 года Мин заявил следующее:

«Китай насчитывает миллиард четыреста миллионов жителей, Европа – семьсот сорок миллионов, Соединенные

Штаты – триста двадцать пять миллионов... Если воспользоваться таким старинным понятием, как QI, показатель качества, то Гонконг окажется на первом месте с QI денежных ресурсов сто восемь, Китай – на третьем с QI ресурсов сто пять, европейские страны, такие как Германия, Франция и Россия, – соответственно, на восьмом, девятом и десятом месте с QI ресурсов девяносто девять, девяносто восемь и девяносто семь, а Соединенные Штаты разделят девятое место с Францией и Испанией. Это означает одно: в Китае гораздо больше умных людей, чем в Европе или в США...»

Отныне объектом интереса «Мин инкорпорейтед» в Интернете стал искусственный интеллект. Мин Цзяньфен не придавал значения всем этим глупостям дезинтеграции – и сказал об этом в том же интервью, – зато был убежден, что меньше чем через десять лет машины будут способны читать, видеть, понимать, угадывать наши эмоции, распознавать лица, предметы и звуки. Более того, они будут собирать информацию о каждом жителе планеты: его потребительские запросы и нужды, вкусы, поведение, психологический профиль, уровень интеллекта, генетическую предрасположенность, сексуальные наклонности, политические идеи, его профессиональное прошлое и его взаимоотношения с правосудием. Короче, будут стремиться узнать о человеке все, чего он и сам о себе не знает, чтобы предвидеть каждую его реакцию, каждое действие и принимать за него все важные решения.

– Машины уже полностью к этому готовы, – добавил Мин.

Мойра прекрасно помнила, как читала все это в своей комнатке под самой крышей, а потом открыла мейл, который пришел несколькими часами раньше. Он гласил, что ее кандидатура для работы в «Мин инкорпорейтед» отклонена. Она почувствовала, как по щекам потекли слезы. «Ты слишком чувствительна, девочка. Тебе надо бы стать чуть пожестче...»

* * *

«Тесла» въехала в Вестерн-Харбор-кроссинг – туннель, который проходит под проливом Виктория Харбор и выходит в Центральном районе, – и серое, почти черное, пасмурное небо исчезло. Мойра опустила глаза на газету, засунутую в карман на спинке сиденья, как раз у нее перед глазами. «Саут Чайна морнинг пост». Она открыла и полистала газету, сощутив глаза, поскольку в туннеле было довольно темно.

Среди страниц, посвященных экономике, Мойра набрела на огромное рекламное объявление о готовности продать акции «Мин инкорпорейтед»:

«МИН ИНКОРПОРЕЙТЕД» (общество с
ограниченной ответственностью, зарегистрированное
на Каймановых островах)

Биржевой код: 18100

В числе банков-регистраторов и «крестных отцов» вступления компании в Биржу были «Голдман Сакс», «Морган Стенли», «Джи Пи Морган», «Креди Сюисс», «Дойче Банк»... Похоже, все пожелали войти в этот список. Все стремились урвать свой кусок пирога. Никому не хотелось проморгать важный переломный момент XXI века и оказаться на обочине, сделавшись новым «Кодаком» или «Нокией». Но никто из тех, кто боялся упустить случай, не мог бы сказать, *что* перед ними: широкая магистраль или дорога в никуда...

Когда машина вынырнула из туннеля, Мойра впервые увидела центр Гонконга: десятки и десятки сверкающих небоскребов карабкались на Пик и близлежащие горы. Гудки. Рычание автобусов и такси. Топот толпы. Ажиотаж. Уйма народу. Неистовая жадность.

Офисы «Мин инкорпорейтед» располагались на тридцать первом этаже Хенли-билдинг, в самом сердце делового квартала, рядом с парком Чэн Кон, чья листва зеленым сводом накрывала раскаленный каньон перед «Куинз-роуд-сен-трал». Выйдя из машины, Мойра чуть не свернула себе шею, чтобы полюбоваться фасадом, но увидела только чуть выгнутую стену из стекла и стали, окруженную другими небоскребами. Их монументальные подъезды выстроились вдоль узкой артерии, запруженной машинами, такси и автобусами. Только близость парка, этого рукотворного оазиса, придавала району особый вид.

В холле она спросила, как пройти. А потом, выйдя из одного из шести лифтов, оказалась в застекленном зале, откуда открывался потрясающий вид на залив. При других обстоятельствах этот вид околдовал бы ее, но она приехала сюда не по туристической визе. В просторном помещении ничего не было. Из мебели виднелись только несколько кожаных кресел, расставленных небольшими группами. Две боковые двери вели наверх. В отличие от шумной суматохи города, здесь царила тишина.

Не успела Мойра сообразить, надо ли ей сесть в кресло и дожидаться, пока за ней придут, как дверь справа открылась, вошла молодая китаянка в строгом костюме и пригласила ее следовать за собой. Ее английский с сильным кантонским акцентом был не многим понятнее английского отельного портье. Девушка открыла дверь электронным ключом, и они вошли в гораздо менее просторную комнату. Француженка Мойра ожидала увидеть более или менее эксцентричное убранство, какие-нибудь штучки закоренелого ботаника, вроде постеров старых фантастических черно-белых фильмов на стенах, с переосмыслением в духе современного юмора, с какими она часто сталкивалась в «Фейсбуке». Но вместо этого убранство оказалось серым, холодным и лишенным всякой выразительности, словно комнату оформлял мрачный служащий похоронного бюро.

«Все это фасад, – подумала она. – Призванный внушить доверие инвесторам». Кабинет администрации, где обитают

бухгалтеры и адвокаты. Творческие команды, должно быть, находятся в другом месте – ну, к примеру, в Центре, о котором «Тайм» разместил фоторепортаж на шесть страниц цветных снимков. Единственную неожиданную нотку вносила галерея черно-белых портретов, развешанных по стенам. Мойра подошла поближе. Ребенок-китаец с веселым личиком; европеец лет сорока, в квадратных очках, с натянутой улыбкой на губах; блондинка, хорошенькая, но немного бесцветная; темноволосая метиска с пронзительным взглядом; старик, сморщенный, как высохшее яблоко. И Мойра с уважением отметила, что в каждом из лиц фотограф сумел ухватить человечность и неповторимую индивидуальность.

– Кто эти люди? – спросила она с любопытством.

– Этих людей не существует, – ответила секретарша.

– Как это?

– Они не существуют как личности. Программа «Искусственный разум» Мина проанализировала миллионы портретов, выявила их физические характеристики – цвет кожи, глаз, волос, форму ушей и носов, крупы красоты... А потом сама создала тысячи лиц, пользуясь собранными характеристиками. То, что вы видите – всего лишь ничтожная часть. Совсем коротко: это виртуальное человечество...

Китаянка улыбнулась. Ошеломленная Мойра снова взгляделась в такие... *реальные лица*. Невероятно. Она готова была поклясться, что видит фотографии живых людей.

Секретарша толкнула еще одну дверь, повернулась к Мой-

ре и приглашающим жестом придержала створку:

– Входите. Господин Мин вас ждет.

Мойра нервно сглотнула, шагнула за порог и услышала, как дверь за ней закрылась. Она застыла на месте, с удивлением осматривая комнату с высоким потолком. Комната была пуста, если не считать стола, вращающегося кресла и огромного киноэкрана, занимавшего всю противоположную стену. По бокам экрана висели синие занавески.

А где же Мин?

Сквозь стены не проникало ни звука. Мойра слышала только собственное дыхание. Поначалу она решила, что надо ждать здесь, возле кресла, но потом обогнула стол и подошла к экрану. Экран тотчас же осветился, и она вздрогнула от удивления.

Сердце помимо воли забилось чаще. На экране появились плечи, затылок и крупная голова человека, стоящего к ней спиной. Невероятно четкое изображение было больше четырех метров в высоту, и рядом с ним она почувствовала себя крошечной.

Черные напояженные волосы, чуть поредевшие на макушке. Перхоть на плечах пиджачной пары. Мойра готова была побиться об заклад, что это китаец. Разум ее внезапно резко переключился: это Мин... В животе все сжалось. Человек медленно обернулся.

– Хорошо ли вы добрались? – спросил Мин Цзяньфен.

Прежде чем ответить, Мойра с секунду помолчала. Мин Цзяньфен действительно с ней разговаривает или это, как тогда в автомобиле, запись? Ей отвечать или как?

– Прекрасно.

На четырехметровом лице появилась улыбка.

– Тем лучше... тем лучше... – Он сделал широкий жест. – Нравится вам это место?

Что? Он что, шутит? Я стою в абсолютно пустой комнате, если не считать экрана. Что мне на это сказать?

Изображение на экране сменилось, и Мойра увидела сад японских бонсай, карликовых деревьев, залитый солнечным светом. В горшках, выстроившихся вдоль многочисленных террас, стояли деревья всех пород.

– Потрясающе... А где это?

– То, что вы сейчас видите, – это мой сад бонсай на полуострове Сай-Кун, – сказал Мин. – В Центре... Там, куда вы приедете завтра, – уточнил он, не переставая улыбаться. – Некоторым из них больше ста лет. Но что самое интересное – исторически те, кто начал заниматься искусством выведения бонсай, пробовали добиваться такой формы деревьев под воздействием химических элементов. Они создавали подобие природного мира искусственными средствами. Разве не то же самое пытаемся сделать мы?

Может, он слышит только мой голос? Или видит меня точно так же, как я сейчас вижу его?

Мойра тайком обвела взглядом комнату, чтобы найти видеокамеры.

– Я вас вижу, – подтвердил Мин. – Там, где вы находитесь, полно видеокамер.

Его лицо снова целиком заполнило экран, и каждая его деталь, каждая морщинка выросли в десятки раз. Она отметила про себя, что качество изображения действительно отличное, в особенности в динамической гамме.

– Культура бонсай требует смирения, терпения и упорства, – снова заговорил Мин. – Вы обладаете этими качествами, Мойра?

Услышав свое имя из уст знаменитого Мина Цзяньфена, она вздрогнула. «Внимание, – предупредил ее внутренний голос, – будь на высоте. Вот сейчас, с этого момента».

– А разве без этого вы меня взяли бы? – Мойра опустила глаза. – Надеюсь, что буду достойна вашего доверия.

В ответ он коротко кивнул. Ей подумалось, что великий Мин Цзяньфен не обладает привлекательной внешностью. Костюм цвета морской волны, темный галстук, плоское морщинистое лицо, густые волосы, начавшие уже редеть на макушке. Ничего особенного. Разве что взгляд... Пристальный и настолько интенсивный, что, казалось, с экрана изпод плотных, как у игуаны-носорога, век брызжут черные искры и разлетаются по всей комнате. И еще голос, идущий с

экранных громкоговорителей... Глубокий, уверенный, ласкающий... Он проникал в сознание, как голос гипнотизера.

– Вы ведь приехали сегодня утром?

– Да.

– И каковы первые впечатления?

– Ну... Гонконг – город завораживающий. И вид из моего номера поистине невероятный. Большое спасибо за планшет и телефон.

Интересно, Мин всех своих служащих принимает таким образом или сотрудники Отдела искусственного интеллекта считаются особой кастой, этакими брахманами предприятия, и их надо особенно холить и лелеять?

– Нам очень важно, чтобы вы работали в наилучших условиях. Но вы не будете жить в отеле. Мы сотрудничаем с агентством недвижимости, которое предложит вам выбор. Жилье в Гонконге очень дорогое, но фирма оплачивает более пятидесяти процентов, а потому нашим сотрудникам оно обходится дешевле. А какие фильмы вы смотрели в самолете?

– Э-э... «Чунгкингский экспресс», – ответила Мойра, сбивая с толку неожиданным вопросом.

– «Чунгкингский экспресс». Вы досмотрели его до конца? Она помедлила.

– Нет.

Мин опять улыбнулся.

– А вы помните, что вы ели?

– Крабов и налима в тесте.

– А какой гарнир подали к крабам?

– М-м... ананас... соус из цитрусовых... красный лук в маринаде...

– А к налиму?

– Морковь... рис с ароматом жасмина... китайскую капусту пак-чой...

– Все точно, – похвалил Мин. – Вы пили алкоголь?

Это еще что такое? Очередной идиотский психологический тест? И зачем он нужен? Ну, выпила немного алкоголя... В бизнес-классе. За ваш счет, между прочим.

– Бокал шампанского в качестве аперитива и два бокала вина. Красного...

Он все так же внимательно, с приветливой улыбкой разглядывал ее.

– А что вы думаете о бизнес-классе «Катайских авиалиний»?

Он что, работает в службе опроса клиентов?

– Я впервые летела бизнес-классом, мне не с чем сравнивать. Но я нашла полет весьма комфортабельным.

Он поморщился.

– Перестаньте отвечать стандартными фразами. Опишите свои чувства.

Мойра надеялась, что он не заметит, как вспыхнули ее щеки.

– Ну... Скажем так... Учитывая, что вы оплатили пере-

лет... Я не уверена, что комфорт соответствовал тарифу.

Мин громко расхохотался. Казалось, громкоговорители взорвались от его звонкого, непосредственного смеха.

– А есть у вас какие-нибудь желания? – вдруг спросил он.

Вопрос выстрелил, как ядро из пушки. Неожиданный. Выбивающий из колеи. Мойра примерно предвидела, о чем он будет ее спрашивать, но такого вопроса не ожидала. Как, впрочем, и многих остальных.

– Желания?

– А разве жизнь не сводится к желаниям и к выработке стратегий, чтобы их удовлетворить? Или, наоборот, заставить их заткнуться?

– Несомненно.

– Итак, каковы же ваши желания?

Она помедлила с ответом.

– Э-э... желание быть успешной в профессии... стать одной из лучших в работе... обзавестись здесь друзьями... обрести то место, где мне будет хорошо... и... и понять, что такое Центр...

– А еще? Еще есть желания?

– Не знаю...

– А вот я знаю, что есть, – настаивал Мин. – Разве у вас нет желания доказать матери, пусть ее уже и нет в живых, что она ошибалась на ваш счет?

Мойре показалось, что ее стеганули раскаленным добела железом.

– Что вы себе позволяете...

– Я наблюдал за вами во время четырехчасовой беседы с нашим психологом в Париже, которую вместо объяснений он просто прервал. Прошу меня простить, если поставил вас в нелегкое положение и невольно допустил бестактность. Я не хотел...

«Ага, говори-говори», – высунулся внутренний голосок, всегда готовый вступить врукопашную, – «ты только этого и добивался».

Значит, она себя выдала во время разговора с психологом? Мойра живо представила себе эту даму, затянутую в черный костюм, гладко причесанную, со скромным макияжем, на который ушло немало времени. Весь ее вид говорил: «Меня вообще ничто не касается, мне все безразлично». В своем деле она была мастером. Поначалу усыпила бдительность Мойры какими-то словесными выкрутасами, одной ей известными, и заранее ослабила систему защиты, а потом ловкими ментальными пальцами-щупальцами принялась обследовать каждый закуток ее сознания. Она знала, на какую кнопку и в какое время надо нажать. Когда же Мойра наконец упомянула «властительницу душ», в глазах психологини вспыхнула искорка, словно она нашла именно то, что искала. Но они же ее все-таки приняли? Невзирая ни на что? Может, эта ее потребность взять реванш и соответствовала тому, что они искали: сотрудников со сверхмотивацией, которых жизнь не радовала подарками...

Однако, скорее всего, на их выбор повлияли ее безупречные характеристики. Мойра собрала их все в своем резюме, чтобы привлечь внимание такой конторы, как «Мин инкорпорейтед»: магистр языкознания по специальности «информационная лингвистика», докторат (она защитила диссертацию «Моделирование и распознавание эмоций, исходя из экспрессивных и контекстуальных данных» в Институте Пари-Сакле); год дополнительного обучения в Массачусетском технологическом институте на кафедре компьютерной техники и искусственного интеллекта; постдокторат в Отделе искусственного интеллекта под эгидой «Фейсбука» в Париже, под руководством Яна Ле Кюна. Когда она узнала, что «Мин инкорпорейтед» набирает специалистов в области искусственного интеллекта для разработки новой программы на вербальной диалектной основе – об этой аппаратуре уже шли разговоры по всему сообществу информатики, – то поняла, что такой возможности больше не представится.

Она подходила идеально. И прекрасно об этом знала. Он – тоже.

– А что вы думаете о чатботе, который сможет обо всем с вами говорить и отвечать на все вопросы? – вдруг спросил Мин. – Утопия? Безумие? Научная фантастика? Жульничество?

– Следующий этап.

Мин снова одобрительно кивнул головой. Но что-то его беспокоило: лоб наморщился, выражение лица изменилось.

– Мы очень близки к цели... – сказал он с преувеличенным оптимизмом, но выражение лица его выдавало. – Однако мы не одиноки: «Эппл», «Фейсбук», «Гугл», «Амазон» – все ринулись за новым Священным Граалем¹⁴. Но я все же думаю, что мы немного всех опережаем... Вам известно, почему вы здесь? – спросил он, словно ответ не был очевиден.

– Известно. Для работы над программой DEUS.

– Именно так. Чтобы в дальнейшем наполнить ее *содержанием*... Придать ей индивидуальность, эмоции... Тестовая фаза уже началась, но дело тут, скажем так, не в том, чтобы, по классическому варианту, заниматься обучением ботов, а дальше доводить до кондиции и исправлять ошибки. Нет, для этого DEUS слишком уникален. У нас полно инженеров, доводчиков, нам хватает математиков и программистов, но нам нужны ваша молодость, ваше воображение и творческая изобретательность. А еще ваша... восприимчивость. Кривая уменьшения времени варьируется в зависимости от ее сложности. А DEUS – чатбот невиданной доселе сложности. Каждый этап требует времени. И вы здесь затем, чтобы придать ему настоящую индивидуальность, настоя-

¹⁴ Грааль – весьма многогранное понятие в западной культуре. В буквальном переводе это слово означает «чаша». В христианстве это чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь казненного Христа. Есть другая версия: Грааль – камень, упавший с неба и обладающий сверхъестественной силой. Если обобщить все поверья, то это некий артефакт, наделяющий своего владельца властью над миром. Именно поэтому вокруг Грааля до сих пор крутится вихрь всяких небылиц, и все наперегонки ищут его. В самом деле, кому же не хочется власти над миром?

щие эмоции, чтобы помочь нашему DEUS'у очеловечиться, Мойра.

Он говорит о приложении, как о человеке. Как о ребенке.

– Думаю, что я не одна такая...

– Конечно, нет. Всех, кто работает в Отделе искусственного интеллекта «Мин инкорпорейтед», отбирали как по степени компетентности, так и по личностным качествам. А на вас будут возложены вычисления, связанные с эмоциями. Мы должны сделать из DEUS'а самого человеческого из когда-либо существовавших виртуальных помощников, Мойра. Вот для чего вы здесь. Именно для этого я вас и вызвал...

6

Вычисления, связанные с эмоциями. Эмоциональная вычислительная техника. Эмоциональный Интернет. Звучит, как оксюморон¹⁵. Как что-то вроде «муравья-индивидуалиста» или «мыслящего камня». Эмоциональный Интернет как грядущее Эльдorado, как новый Грааль.

В конце концов, эмоции уже и так выражают миллиардами терабайт информативных данных, которые каждая фирма ежедневно собирает с жителей планеты. Благодаря головокружительной мощности своих компьютеров, – «Фейсбук» и «Гугл» анализируют не только все ваши «лайки», но и все оттенки эмоций ваших постов и мейлов. Они прекрасно знают, когда вы пребываете в гневe, грустите, влюблены или «помираете со смеху». «Умные» браслеты и кольца, измеряющие пульс, давление и прочее, тоже претендуют на определение состояния вашей души – радость, гнев, грусть – по изменениям электротермальных показателей кожи. «Уолл-стрит джорнал» недавно заявила, что богатейшие группы патентной регистрации «Тесла», «Спейс-Икс» и «Илон Маск» (та самая компания, что собиралась к 2022 году заменить самолеты ракетами и соединять Париж с Лос-Анджелесом за тридцать минут) тайно создали в 2016 году медицин-

¹⁵ Оксюморон – фигура речи, которая соединяет в себе противоположные, а зачастую и взаимоисключающие свойства предмета (напр., «сладкая горечь»).

ское исследовательское общество «Нейралинк», цель которого – добиться прямого соединения человеческого мозга с машинами.

Крупные интернет-фирмы ежедневно делают ощутимые успехи в отслеживании и анализе человеческих эмоций, и, как следует из сообщений Центра долговременной безопасности в Беркли, это познание нашего внутреннего состояния, все более тонкое, не замедлит вызвать затруднения в области безопасности. Ибо гиганты Интернета стремятся не только знать, интерпретировать и моделировать наши чувства, но и использовать их в своих целях, чтобы манипулировать нами и увеличивать нашу зависимость от их технологий.

«И я принимаю участие в этом движении», – думала Мойра, когда машина мчала ее в Коулун. Цель сделать DEUS более человечным и сопереживающим была ясна: его присутствие в жизни пользователей должно стать необходимым и неизбежным. *Как наркотик...* Вокруг DEUS'а ходили самые безумные слухи. Кто-то говорил, что DEUS отныне способен поддерживать беседу в течение многих десятков часов, и его уже не отличить от живого собеседника, и что однажды он сумеет добиться невиданного доселе проникновения искусственного интеллекта в повседневную жизнь людей. Некий перебежчик от Мина утверждал также, что предприятие на много лет опередило остальных и что Сири, Алекса и Корта-

на¹⁶ рядом с ним выглядят несмышлеными детьми. Но DEUS будет выпущен в продажу не ранее чем через два года, поскольку есть еще некоторые эвристические проблемы. Однако все это, разумеется, были всего лишь слухи.

Мойра не сомневалась, что, как только DEUS поступит в продажу, миллионы людей уступят ему свое право выбора. Ведь это так удобно – предоставить кому-то (или чему-то) все решать за нас.

* * *

В семь часов вечера она вернулась в отель. Ей очень захотелось выпить – прямо здесь, сразу. Точнее, это было не желание, а настоятельная потребность... Мойра переделась в дырявые джинсы и футболку и вышла в холл, чтобы на лифте подняться на последний, сто восемнадцатый этаж в «Озон».

Она попала к маленькому ресепшну, где свет, постоянно меняющий цвета, струился со стен, как разноцветный мерцающий занавес. Две девушки в вечерних платьях спросили, забронирован ли у нее номер. Мойра ответила, что она – клиентка отеля и ей сейчас хочется закурить. Ее проводили в самый конец коридора, там, где тот изгибался углом, – фэн-шуй обязывает, – и, миновав бар с мириадами лампочек на потолке, вывели на просторную галерею без крыши, окру-

¹⁶ Здесь перечислены некоторые «умные помощники» разных смартфонов.

женную стеклами и большими бетонными балками. Народу в галерее было немного, и Мойре предложили сесть либо на софу в середине, либо на один из белых табуретов, выстроившихся вдоль стены напротив застекленных проемов. Она выбрала табурет и закурила сигарету. Когда же ей принесли запрошенный джин-тоник, она сочла его слишком легким и позвала официанта, чтобы тот принес полный стакан джина.

Вечерело. Небо так и не очистилось от туч, хотя дождь уже перестал идти, но вид отсюда открывался не менее потрясающий, чем из окна ее номера. Под ногами расстилался весь Гонконг. Ощущение было такое, будто сидишь на краю света. Друг за другом, как лестницы в небо, теснились ярко освещенные небоскребы, и их огни отражались в черной воде.

– Дьявольски красивый вид, правда?

Мойра обернулась к соседям, тоже разместившимся на табуретах, и узнала их. У нее была прекрасная зрительная память: рядом с ней сидели те же двое мужчин в костюмах, что курили на улице и разглядывали ее, когда она еще только приехала в отель.

– Угу... – промычала Мойра вместо ответа.

– Вы в первый раз в Гонконге?

У этого типа была бульдожья физиономия, к которой приклеили темноволосый парик, и ярко выраженный китайский акцент.

– Да, – ответила она, отпив глоток джин-тоника, и тотчас

позабыла о нем, отвлекшись на панораму.

– Вот увидите, это необыкновенный город.

Мойра вздохнула. На этот раз она чуть внимательнее взглянула на собеседника. Одет он был не как клиент отеля: белая рубашка, серый костюм дурного качества, перекошенный галстук. Хитрые глаза, лицо в глубоких морщинах.

– Если желаете где-нибудь провести вечер, – продолжал он, – загляните в Вань-Чай, Лань-Квай-Фон и в Сохо.

– Хорошо.

– Есть еще Харт-авеню в Цимь-Ша-Цюй, недалеко отсюда.

Да чтоб тебя...

– И, конечно же, вы прежде всего должны попробовать наш *дим сум...*

Он хочет просто поддержать разговор? Или собирается за ней приударить? *В его-то возрасте и с такой рожей? Он это что, серьезно?*

– Если вы, конечно, его уже не попробовали, – уточнил мужчина.

Она бросила беглый взгляд на второго, сидевшего чуть поодаль. Тот же серый костюм, та же белая рубашка, такой же нелепый вид... Специалистом она не была, но видела достаточно фильмов, чтобы понять, что они походили скорее на госчиновников, чем на представителей деловых кругов.

Мойра снова отвлеклась на вид за стеклами, постукивая по пирсингу в ноздре.

– На среднем уровне есть прекрасный французский ре-

сторан, – невозмутимо продолжал ее сосед, словно ему было наплевать, интересно это ей или нет.

– Что?

– Французский ресторан...

– Я слышала.

Мойра была готова наброситься на него. Глаза ее сверкнули, пальцы нервно тербели пирсинг.

– Как вы узнали, что...

– Что вы француженка?

– Да...

– Вы с ним уже встретились или не успели? – спросил он.

– С кем?

– С Мином.

Мойра на миг отшатнулась, потом отодвинула стакан и крутнулась на табурете.

– *Кто вы такие?*

– Вы приезжали сегодня в центральный офис, но я не уверен, что Мин там был. Или я ошибаюсь?

– Кто вы? – повторила она уже громче.

Его лицо было начисто лишено выражения.

– Скажем так: мы – те, кто интересуется вашим патроном.

– Конкуренция?

– Нет, *скорее, люди из правительственных кругов.*

Он вынул отличительный знак, на котором она разглядела цветок баугинии, символ Гонконга. У Мойры по затылку забегали мурашки.

– Что вам от меня нужно?

– Мы хотим только задать вам несколько вопросов...

– О чем?

– О вас.

– Я совершила что-нибудь противозаконное?

– Пока нет.

– У вас есть в чем меня упрекнуть?

– Пока нет.

– Итак, что вы желаете знать и о чем я должна беспокоиться?

– Скажем так, нас интересует более близкое знакомство с вашим будущим работодателем...

Мойра напряглась. «А второй, он что, немой, что ли?» Он рта не раскрыл, однако не сводил с нее глаз. Взгляд его не выражал ни вражды, ни дружелюбия.

– Зачем? – сказала она. – Почему вы так интересуетесь «Мин инкорпорейтед»?

– У нас есть веские причины считать, что они замешаны в делах, которые мы расследуем.

– В какого рода делах?

– В очень серьезных...

Спокойствие, с каким ответил мужчина, сильно контрастировало с содержанием известия. У Мойры возникло ощущение, что на дне желудка у нее открылся шлюзовой затвор.

– Кто вы такие? Отдел финансовых преступлений? Пограничная полиция?

– НКПК.

Увидев, что брови у нее поползли вверх, он уточнил, все так же бесстрастно:

– Независимая комиссия против коррупции.

На этот раз ей показалось, что ее сильно ударили под дых.

– А вас не затруднит все-таки сказать мне, что происходит?

– Позвольте дать вам совет, – шепнул китаец. – Не доверяйте никому. Я хочу сказать, здесь, у Мина.

Он сунул руку в карман и достал какую-то картонную карточку.

– Вот моя визитка. Сохраните ее. Пожалуйста. И если однажды захотите нам позвонить, не пользуйтесь телефонами «Мин». И еще: никому не говорите, о чем вы с нами разговаривали. Можете потерять работу, еще не начав работать.

Мойра нахмурилась, но визитку взяла и сунула в карман джинсов.

– Это не я с вами разговаривала, это вы со мной заговорили, – сухо поправила она. – Если больше ничего не хотите сказать, то извините, господа, я только нынче утром прилетела и падаю от усталости.

Мойра встала и раздавила сигарету в пепельнице. Ноги у нее были ватные. Она немного подождала, когда мужчины отойдут, но они не отходили. Тогда она выскочила с террасы под проливной дождь и ураганом пронеслась по бару.

Ни разу не оглянувшись.

* * *

Сыщик из НКПК разглядывал убранство лифта: по антрацитово-черным стенам зигзагами расползались трещины. Декор претенциозный и делано шикарный. Всей этой помпе и деньжищам он предпочитал маленькие, тесные кафешки Мон-Кока.

– Как думаешь, она им расскажет? – спросил его коллега, проведя рукой по мокрым волосам.

Оба принадлежали к небольшому подразделению оперативного дивизиона НКПК, который специализировался на защите свидетелей. Опытные сыщики, они обладали гораздо лучшей профессиональной подготовкой, чем среднестатистические полицейские, и более высоким уровнем тестостерона.

– Один шанс из двух...

* * *

Сидя в изголовье широкой двуспальной кровати в своем номере на сто тринадцатом этаже, Мойра смотрела на сверкающие городские огни, похожие на ожерелья в витрине ювелирного магазина. Ей было отчаянно скверно. Что случилось? При чем это она присутствовала? *Да нет, не при-*

существовала, она была в этом замешана...

Живот у нее стал твердым, как свинец. Она отправилась помочиться и воспользовалась моментом, чтобы ополоснуть в ванной лицо. Так что же все-таки произошло? Эти ищейки следили за ней с самого ее приезда. Зачем? Почему они так ею заинтересовались еще с того момента, как она только что сошла с самолета?

Что за расследование они ведут о Мине? И зачем?

Одна половина сознания говорила Мойре, что все обойдется, а другая – что дело чрезвычайно серьезное. *Ей не хотелось ни в чем быть замешанной...*

А если это были не настоящие полицейские, а какое-нибудь очередное тестирование, придуманное «Мин инкорпорейтед»? Фальшивые сыщики, которым поручили ее испытать... *Фальшивые сыщики? Да у тебя паранойя, старушка!*

Она снова уселась на кровать. Ей хотелось обдумать ожидавший ее день, но ничего не получалось. Внутри были пустота и страх. Вдруг завибрировал планшет, лежавший на одеяле, и пришлось его включить.

– Добрый вечер, Мойра, уже поздно, – сказал чей-то голос. – Ты еще не спишь?

– С кем имею честь? – спросила она.

Нынче вечером сюрпризов было явно в избытке.

– Меня зовут Шерлок, я персональный разумный ассистент, разработанный лабораторией номер тринадцать «Мин инкорпорейтед». Это я заведую всем – почти всем – в Цен-

тре, куда ты отправишься завтра. Почему ты не спишь?

Мойра нашла последний вопрос немного бесцеремонным. *Откуда он ее знал?* Ну ясное дело, она ведь выходила из отеля... И свет в номере горел... И воду в ванной она включала. *Этот чертов планшет напичкан ловушками...*

– Мне не хочется спать, – ответила Мойра безразличным тоном.

– Я могу запустить программу «Музыка для сна», если хочешь.

– Не думаю, что этого будет достаточно, спасибо. Я немного нервничаю при мысли о завтрашнем визите в Центр.

О господи, ты разговариваешь с машиной!

– Я понимаю, – отозвался Шерлок.

Возможно, эта фраза была предусмотрена для такого случая, а на самом деле ничего он не понимал.

– Ты принимаешь снотворные?

Мойра вздрогнула. Рассказывать какой-то там программе про свою жизнь у нее желания не возникало. Однако она все-таки объяснила:

– Нет, завтра мне надо быть бодрой и оперативной.

– Это точно... Спокойной ночи.

Из открытого окна слышались топот и шум. Где-то внизу выла сирена, ревели моторы, перекликались клаксоны. Со стороны залива Козуэй донесся длинный, похожий на мычание гудок. Над террасами Среднего Уровня¹⁷ звонко заливалась хохотом чайка. Из транзисторного приемника вырывались звуки поп-музыки. Со скрипом выползали на улицы первые грузовички доставки товаров.

Как раз за минуту до того, как у него в телефоне зазвонил будильник, он приоткрыл один глаз, потому что на лицо попал солнечный луч. Потянулся, сел, снова потянулся и обнаружил у себя эрекцию. Наверное, ее вызвал либо переполненный мочевой пузырь, либо эротический сон, либо и то и другое вместе. Он встал и отправился в туалет. Было 6.30 утра.

Когда он вернулся в тесную комнатку, какофония стала еще громче: город лихорадочно задышал. Привычно размявшись и помахав руками, он подошел к окну, не надев рубашки и держа в руке стакан с яблочно-морковным соком. Четырьмя этажами ниже, у входа на самый большой в ми-

¹⁷ Гонконг – город многоуровневый; он стоит фактически на склоне горы, а поэтому в романе довольно часто при описании маршрутов персонажей по городу автор прибегает к понятиям «спуститься по улице», «подняться по улице». Как и во многих городах с таким рельефом, в Гонконге имеются лифты, эскалаторы, которые перевозят людей с одного уровня на другой.

ре внешний эскалатор – на самом деле цепь из нескольких механических лестниц, которые карабкались в гору между стенами старых домов – уже теснилась толпа, где смешались трейдеры в белых рубашках, официанты, лавочники, грузчики, подручные модисток, продавщицы, кассирши; только туристов еще не было...

На другой стороне Шелли-стрит красовались вывески: «БУРГЕР КИНГ», «ИБЕРИКО И КОМПАНИЯ», «ЛОТОС МОДЕРН ТАЙ»... В этом квартале жили в основном молодые служащие и путешественники. Тут было много баров и ресторанов, зачастую модных, несмотря на обветшалость жилых домов. У молодого офицера полиции, такого, как он, конечно, не хватило бы средств, чтобы жить здесь, если б эту квартиру он не получил в наследство от отца. Его знакомые полицейские обитали на «Новых территориях» и тратили по три часа в день на переезды. *Так что ему повезло...* В Гонконге космические цены на жилье – в городе, где беднота составляет 80 процентов населения; настоящая насмешка над элементарным здравым смыслом. Нехватка места (хотя изрядные территории застройке не подлежат), рельеф, прирост населения – вот основные официально приводимые причины. На самом же деле главный спекулянт жильем на всей планете – это правительство Гонконга, второе по богатству после швейцарского, и все банки Гонконга, вместе взятые.

После десяти дней непрерывного проливного дождя он на секунду подставил голый торс и лицо солнечному лучу. Он

не курил, не употреблял алкоголь и не баловался наркотиками, а потому, допив сок, быстро оделся. Поверх джинсов надел голубую хлопчатую рубашку и сунул в карман бумажник и полицейское удостоверение:

*Инспектор Мо По Чань
Полиция Гонконга*

Затем быстро взял оружие и, прежде чем выйти, коротко взглянул на себя в зеркало возле двери: короткие черные волосы топорщились, как сорная трава, тонкие черты лица огрубели, а в угольно-черных глазах таилась глубокая нежность, хотя ему всегда хотелось иметь жесткий и твердый взгляд. Такой, как у Хуан Сяо-Мина¹⁸, как сказала ему однажды его подружка, которую он не смог удержать возле себя. У него действительно внешность актера, молодого премьера... Да нет, полицейский – он и есть полицейский...

* * *

Красная линия метро, направление У-Кай-Ша, была набита битком, но хранила клиническую чистоту и совсем новый вид.

Мойра где-то читала, что для Гонконга суматоха и давка – вторая натура. Можно подумать, что те, кто это написал, никогда не бывали в парижском метро. Хотя ей редко когда

¹⁸ Хуан Сяо-Мин (р. 1977) – китайский актер, певец и фотомодель.

приходилось видеть такую спрессованную и при этом такую почтительную толпу.

Она трижды пересаживалась с линии на линию, после того как села в метро в Коулуне, под самой башней Международной торговой палаты, в самом сердце торгового центра люкс (тут имелся даже «Роллс-Ройс Фантом», который царил на подиуме, и «улица», посвященная французским фирмам). Теперь, когда она сошла на последней станции «У-Кай-Ша», в северо-восточной оконечности Гонконга, вдруг почувствовала, как псы тревоги натянули поводки. Пришлось достать из сумки бутылку с водой и тюбик лексомила.

Уже вторая таблетка за сегодняшнее утро...

Мойра убрала лекарство на место, забрала свою карточку «Октопус» № 75982654 (8), которая обеспечивала право проезда на всех видах транспорта, и с трудом подавила зево-ту. Сегодня ей удалось поспать только три часа.

* * *

На парковке, возле огромных и безобразных жилых небоскребов, похожих на все дома в округе, стояли четыре синих микроавтобуса с логотипом М. Автомобили эти имели очень необычную форму: почти квадратные, с двустворчатой дверью сбоку и на удивительно маленьких колесах. Но, тем не менее, это все-таки были одни из первых моделей «беспилотного» общественного транспорта. Микроавтобусы стоя-

ли один за другим, и Мойра не знала, в какой из них садиться, но потом успокоилась, увидев, что сотрудники садятся куда захотят, не соблюдая никакого порядка.

«Добрый день, Мойра», – послышался женский голос, когда она вошла в автобус.

Ей понадобилось с полсекунды, чтобы понять, что ее узнала камера, расположенная там, где должен сидеть шофер. Сердце у нее екнуло, когда она не увидела ни педали тормоза, ни руля. Быстро принялась искать глазами кнопку экстренной остановки. В общих чертах Мойра понимала, как функционирует управление «беспилотниками». Информация, поступающая от десятков датчиков – ультразвуковых, лидаров¹⁹, камер, радаров, GPS и инерциальной станции²⁰ – обрабатывалась в режиме вероятностных и антиколлизиионных алгоритмов, что позволяло принять верное решение за тысячную долю секунды. Мойра слышала, что предприятие готовилось в следующем году выпустить на дороги Китая и Японии множество «беспилотников», и подумала, уж не используют ли служащих «Мин инкорпорейтед» в качестве подопытных кроликов. Однако, понаблюдав за другими пассажирами, поняла, что этот вопрос заботит только ее: остальные спокойно уткнулись в свои планшеты и телефоны.

¹⁹ Лидар – оптический прибор для получения информации об удаленных объектах.

²⁰ Инерциальная система управления – система, в которой для определения направления и создания команд используются приборы, основанные на явлении инерции.

Мойра заняла место сзади. Микроавтобусы заполнились моментально – в каждом было только по четырнадцать мест, – раздалось звяканье, напоминавшее сигнал из игры «Супер Марио», и двери с пневматическим вздохом закрылись. Микроавтобусы двинулись гуськом, как колонна военного транспорта. Обернувшись, Мойра увидела в заднее стекло, что на их место уже встали другие.

Четырехполосная дорога в течение нескольких секунд шла между высоченными мрачными домами, потом стала двухполосной; небоскребы исчезли и сменились элегантными земельными участками между горами и морем, утопавшими в зелени. Вскоре и они исчезли из виду, и теперь за окном простирались лишь покрытые лесом холмы, пышная растительность, да время от времени поблескивала зеркальная вода маленьких бухточек.

Мойра включила планшет. Дорога огибала большой национальный парк под названием Мань-Он-Шань, сворачивала на юг и шла по красиво вырезанной линии побережья, а потом брала курс на восток, пересекая полуостров Сай-Кун и второй национальный парк, еще больше первого: «Сай-Кун-Ист-Кантри-Парк». Согласно путеводителям это первозданное пространство – низкие холмы, джунгли, потайные бухточки с пляжами и лесные тропы – все утопало в зелени. Вот тут, в самом сердце не тронутой цивилизацией природы, Мин и умудрился построить свой Центр. Дело явно не обошлось без поддержки влиятельных кругов и крупной взят-

ки, а потому Мойра сразу вспомнила о двух представителях независимой антикоррупционной комиссии.

* * *

Спустя полчаса в ее наушниках раздался все тот же женский голос, который воскликнул по-французски: «Ура! Мы приехали!» Она подняла голову, взглянула в окно и увидела шлагбаум с двумя сторожевыми будками по бокам, как на границе. Рядом со шлагбаумом стояли трое охранников в униформе цвета морской волны с золотым значком «М».

Слева и справа от пропускного пункта поднималась двухслойная ограда из сетки с ячейками в ромбик, оплетенная колючей проволокой. Эта проволочная ограда уходила в джунгли коридором шириной в два метра и высотой в три. На изрядном расстоянии друг от друга внутри коридора были расставлены опоры с прожекторами. По всей видимости, для безопасности «Мин инкорпорейтед» было недостаточно электронного фейс-контроля. Шлагбаум поднялся без всякой проверки, и Мойра спросила себя, для чего тогда здесь стояли охранники. В любом случае, оружия при них не наблюдалось. По ту сторону шлагбаума дорога превращалась в широкую аллею, которая плавно шла вниз, окруженная лужайками и пальмами.

Пальмы расступились, и Мойра увидела здания кампуса, рассыпанные по просторной, засаженной деревьями пло-

щадке. Ей даже показалось, что она различила еще какие-то редкие ароматы, кроме запаха сосен и азалий. Если не считать двух конструкций, одна из которых походила на огромную черную сферу, поставленную прямо на землю, а другая – на серый бетонный блокгауз без окон, размером с несколько футбольных полей, остальные строения сверкали на солнце множеством окон.

В конце аллеи перед белым строением красовался плакат:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЦЕНТР

Мойра заметила, что плакат был на английском. Здесь вообще не было видно надписей на китайском. Чуть пониже виднелась еще одна надпись, начертанная не такими крупными буквами:

Ничто так не постоянно, как перемены

Надпись была похожа на какую-нибудь китайскую мудрость, но на самом деле автором этого мудрого изречения был Гераклит. Микроавтобусы остановились с благодушием вернувшейся в стойло домашней скотины, и сотрудники вышли.

– Хорошего дня, Жанет, хорошего дня, Салим, хорошего дня, Фен, хорошего дня, Мойра... – приветствовал всех ав-

тобус-беспилотник.

По-видимому, все знали, куда идти, потому что достаточно быстро разлетелись, как стая воробьев. Мойра подождала, пока ее кто-нибудь встретит, но вскоре осталась одна под палящим солнцем. Воздух так нагрелся, что на горизонте, на том конце аллеи, вибрировал, как в мираже.

Планшет снова подал голос, и Мойра включила его, чтобы понять, куда идти. Ей пришлось отойти в тень под плакат, иначе было невозможно различить, что появилось на экране. А там возник план Центра с целой серией стрелок, указывающих направление. В конце пути крестиком было отмечено здание Отдела искусственного интеллекта.

Мойра двинулась туда пешком.

Жаркое июньское солнце припекало сквозь окна просторного кабинета в доме № 1 по Арсенальной улице, на этаже, где находилось подразделение полиции Гонконга, занимавшейся интернет-безопасностью и технологическими преступлениями. Чань подумал, что неплохо было бы иметь такой кабинет, а не восьмиметровую живопырку, которая досталась им со Стариком.

Он взглянул на Элайджу. Старик был явно не в духе, в последнее время это часто с ним случалось. Казалось, он задремал, уткнувшись носом в рубашку. Чань спросил себя, уж не болен ли он. Потом повернулся к технику, примерно своему ровеснику, чокнутому компьютерщику, который в этот момент протирал очки.

– Электроды? – переспросил он, не до конца уверенный, что понял правильно.

Техник – как же его звали?... Ли Ка-мин – внимательно разглядывал протертые очки.

– Да, электроды, – терпеливо объяснил он, – вживленные в префронтальную зону головного мозга, как утверждает судебный медик...

– Ты хочешь сказать, что вот это было у нее в черепушке? – Элайджа указал на тоненькие, похожие на вермишель, проводки, которые лежали в прозрачном пластиковом ящи-

ке для вещдоков, и поскреб себе череп под длинными седыми волосами.

Компьютерщик подавил вздох.

– Я же вам только что сказал... А еще вот это... за грудной.

И он указал на другой пластиковый ящик. Там лежала крошечная черная коробочка, помятая и деформированная, словно по ней прошелся дорожный каток.

– А что это такое? – спросил Чань.

Ли взглянул на него с видом человека, который хочет казаться хитрее и опаснее, чем есть на самом деле, но это не произвело на Чаня никакого впечатления. Хотя ему и было всего двадцать восемь, он уже достаточно повидал «чокнутых мудрецов», с тех пор как служит в уголовном розыске, особенно когда расследовали убийство, совершенное одним из профессоров Китайского университета Гонконга.

– Трудно сказать, учитывая, в каком виде эта штука, а вот назвать производителя я, пожалуй, смогу. Вот здесь выгравировано маленькое «м», видите? Этот аппарат разработал Мин. Имя я назвал.

– Ну и?...

Техник устало улыбнулся.

– Девушка была у них в базе данных. Согласно их информации в течение нескольких месяцев она носила этот новейший революционный антидепрессант.

– Настолько революционный, что, в конце концов, сигану-

ла с тридцать второго этажа, – прокомментировал Элайджа голосом, осипшим от всякого рода злоупотреблений.

Ли раздраженно фыркнул.

– К тому же когда-то она у них работала, – прибавил он с важным видом.

Чань со Стариком переглянулись. *Браво, Холмс, это мы и так знали...* «Девушка работала в „Мин инкорпорейтед“, теперь это точно известно», – подумал Чань, ощутив привычный зуд сыщика.

– А чем она занималась? – спросил он.

Молодой техник постарался быстро объяснить. Чань уловил выражения «электрические импульсы», «мозговая деятельность», «искусственный интеллект», но с большим трудом смог связать их воедино. Он подошел к окну и взгляделся в знакомый пейзаж порта, расстилавшийся за скоростными автострадами и железнодорожными путями.

Однако общий смысл Чань все же схватил. Подумал: «А что, если кто-то смог поработать с этим аппаратом и... как бы это сказать... *расстроить* его?». Он повернулся к коллеге:

– А ты можешь открыть коробочку и посмотреть, что там внутри?

– Как это?

– Ну, как она работает. Если кто-то смог ее подделать...

Чань увидел, как за очками глаза Ли вылезли из орбит.

– Ты что, шутишь? Такие гаджеты не в моей компетенции.

И потом... он так расплющен, что вряд ли удастся добыть из него хоть какую-то информацию.

Он произнес это с таким унылым видом, что Чань понял: ему неприятно признавать неудачу.

– Ну, ты хотя бы можешь посоветоваться с каким-нибудь специалистом? Ведь наверняка кого-нибудь знаешь? – не унимался Чань.

Техник мрачно на него взглянул.

Минут через пять они с Элайджей стояли у лифта. Старый сыщик был погружен в свои мысли. Чань уже давно перестал считать его своим наставником; он знал, что такая глубокая сосредоточенность ума относится не к расследованию, а к расчетам с кредиторами. Ему вспомнился отец. У того тоже было полно долгов. Игровых долгов. Единственное, что им удалось спасти после его самоубийства, была квартира. В Гонконге, если кто считает себя обесчещенным, залезает на последний этаж небоскреба и... Каждый год так поступают около ста подростков. Перед ним появилась неведомо откуда взявшаяся картина: в полном молчании, как в замедленной съемке, падает дождь из юных мальчиков и девочек; они пролетают мимо бесконечных стен и окон и падают на землю один возле другого.

– Что ты об этом думаешь? – сказал он. – Когда-то она работала у Мина, и у нее внутри стояло какое-то устройство, разработанное Мином...

Старик поднял голову.

– И что с того? Она покончила с собой, бросилась с небоскреба, и ты, как и я, только что слышал: у нее была депрессия.

– Да, но все же... тебе это кое о чем не напоминает?

Кое о чем, кое-что... Никто не осмеливается назвать вещи своими именами. Все это слишком страшно, слишком грязно и как-то очень уж не по-гонконгски. В этом городе насилие поутихло, несмотря на присутствие триад²¹, а может, и благодаря их присутствию.

– Ни капельки, – отрезал Элайджа, чтобы побыстрее закрыть тему. – Забудь об этом.

²¹ Триады – гангстерские организации, ОПГ, которые занимаются рэкетом, грабежами, заказными убийствами и постоянно делят зоны влияния.

Старина «Дуглас ВС-2» с серебристым фюзеляжем стоял посередине лужайки, опираясь на передние шасси. Люди входили и выходили, спускаясь по трапу и возбужденно переговариваясь друг с другом. Внутри самолета, у иллюминаторов с занавесками, она увидела еще посетителей: те что-то обсуждали с таким же увлечением, держа в руках чашки с кофе. Неподалеку от них несколько сотрудников играли в мини-гольф, тоже о чем-то споря. Все эти разговоры выглядели очень оживленными, и каждый из собеседников прилагал немалые усилия, чтобы убедить остальных. Единственные, кто не принимал участия в этих баталиях, были человек пятнадцать обоего пола, которые старательно и неторопливо выполняли фигуры тайцзицюань, китайской гимнастики. Но вот сеанс закончился, и все сразу же принялись что-то обсуждать.

Мойра шла по выложенной плиткой дорожке; справа от нее виднелись здания, ни капельки друг с другом не схожие, а слева простирались луга, обсаженные деревьями. На каждом перекрестке виднелись указательные стрелки, на которых можно было прочесть: «Отдел искусственного интеллекта», «Администрация», «Кафе Стар Трек», «Фитнес», «Лондон 5969 миль», «MIT 7961 миль», «Кремниевая Долина 6889 миль», «Пекин 1216 миль»... Большинству сотрудни-

ков, попадавшихся ей по дороге, было не больше тридцати. Все или почти все носили джинсы, шорты и футболки. Мойра посмотрела на часы. 9.24. Встреча у нее была назначена на 9.30. Обычно в 9 утра в кампусах, живущих по распорядку новейшей цифровой экономики, кабинеты чаще всего пусты, а если кто-то в них и есть, так это те, кто пришел пораньше, чтобы получить бесплатный завтрак. Ознакомившись с расписанием работы метро, Мойра решила, что на работу будет являться к 7.30. Ей хотелось приходить первой и уходить последней, как и подобает тому, кто работает больше и дольше всех.

Вдруг она застыла на месте: слева послышалось низкое жужжание. Обернувшись, Мойра увидела, что там, между деревьев, что-то есть. Какой-то крупный зверь... Он шел спокойно, даже немного лениво, но все его движения были чуть-чуть неестественны. Что же это такое было? И тут она догадалась: *это же робот...*

Когда-то давно Мойра смотрела видеозаписи фирмы «Бостон дайнэмикс», где были засняты образцы роботов всех размеров и форм, разработанные в сотрудничестве с Лабораторией реактивного движения НАСА и Гарвардским университетом. Роботы двуногие, четвероногие, ползающие по земле, бегающие с резвостью газелей или прыгающие вверх на несколько метров, ловко лазающие и способные преодолеть любое препятствие. Тот, что находился перед ней, передвигался на четырех конечностях и казался довольно непо-

воротливым. У него было массивное туловище, обмотанное каучуковым жгутом, явно, чтобы предохранить его от ударов, и тонкие лапы с металлическими суставами, пронизанные проводами и поблескивающие при движении. Размером и строением он походил на молодого бычка. *Вот только головы у него не было...*

Но Мойра быстро отвлеклась от работа – ей не хотелось опаздывать. Она прошла мимо бассейна с фонтанчиком и свернула направо по направлению к ослепительно-белому зданию в форме параллелепипеда. Чтобы добраться до него, надо было пройти по маленькому мостику над ручьем, утопавшим в тропических цветах и кувшинках. На фасаде не было никакой надписи, зато на верхней ступени крыльца стояла знакомая фигура: Лестер. Рыжий и бородатый эльф-лепрекон.

Широкая улыбка обнажила неровные зубы.

– Мойра! Добро пожаловать!

Он тепло пожал ей руку: очевидно, китайские нравы сюда еще не добрались. Мойра снова подумала, что с этим рыжим, как осенняя листва, гномом они будут хорошо понимать друг друга. Но в то же время у нее возникло какое-то странное чувство. Если бы ей надо было подобрать слово, чтобы это чувство описать, она назвала бы леденящий ветер, который гонит пожелтевшие листья и сразу замораживает вас, хотя на дворе стоит солнечный осенний денек. И в живых глазах Лестера в этот момент промелькнуло выра-

жение, далекое от благодушия. Она была уверена, что на какую-то долю секунды в его зрачках сверкнул *страх*. Но это длилось всего лишь мгновение, и уже в следующий миг Мойра подумала, что ей привиделось. Впрочем, легкий холодок по телу все-таки пробежал.

Лестер, наверное, что-то сказал, но она не услышала, потому что теперь он очень пристально на нее посмотрел.

– Мойра?

– Да, – весело отозвалась она. – Пошли!

Они вошли в холл, такой просторный, что там разместились бы три теннисных корта.

– Я видела там робота, – сказала она, идя по блестящему полу, – и вид у него был какой-то... э... беспардонный.

Лестер улыбнулся.

– А... ты, наверное, видела одного из Бешеных Псов первого поколения. Их выпустили в две тысячи пятом. По парку шатаются два-три экземпляра. С ними возятся, как со старыми кошками, которые долго не протянут. Остальные давно уже сломались... После них было еще три поколения Песиков. В парке ты увидишь последний экземпляр. Там полно роботов, они разгуливают по одному или группами.

– Группами?

– Ну да, в Отделе робототехники в них заложили программу поведения социальных животных, скажем так, стайных. Поэтому они держатся вместе. И самоорганизуются. Без постороннего контроля... В Китае резко вырос рынок роботов.

Здесь их покупают больше, чем в любой из стран мира. Это связано с повышением зарплаты и с общим одряхлением населения, которое есть порождение политики «единственного ребенка».

Его слова заинтересовали Мойру – слишком много слухов ползло по Европе относительно рывка, сделанного Китаем и в области робототехники, да и в других областях, – но она решила задать все вопросы потом.

– А музыка в машине, фото в моем планшете – как вам это удалось?

– А, это... – Лестер улыбнулся. – На самом деле все очень просто: Шерлок скачал плейлист с твоего старого телефона и отобрал оттуда все фото, которые показались ему наиболее... подходящими, а затем перемешал их в своем алгоритме...

Мойра ощутила, как в ней поднимается волна ярости, однако всего лишь спросила:

– А как у вас с уважением к частной жизни?

Он искоса взглянул на нее.

– Ну да, верно... Я совсем забыл, что вы, французы, свято блюдете этот пункт. А знаешь, что сказал генеральный директор «Гугла»?

– Знаю: что гарантировать неприкосновенность частной жизни для «Гугла» становится все труднее и труднее. Любопытно было бы знать, он свою частную жизнь тоже имел в виду? – парировала она тоном человека, который заранее

знает ответ.

Лестер указал ей на электронную доску объявлений, подвешенную к потолку:

SPEEDTEST.NET проп. минус 1кг
DOWNLOAD UPLOAD PING
512.88 Mbit/s 145.20 Mbit/s 3ms
GRADE A+ (FASTER THAN 99 % OF HK)
SERVER: HONG KONG SAR

– Для информации: скорость дистанционной загрузки в Центре пятьсот двенадцать мегабит в секунду. Это меньше, чем располагает «Гугл» в Калифорнии, но скорость хорошая. А что касается самого Гонконга, то он удачно расположен, поскольку находится на четвертом месте среди стран с самой скоростной загрузкой. Кстати, Франция – одна из самых медленных стран по передаче информации и занимает всего тридцать седьмое место, далеко позади Англии, Румынии и Чехии...

Они вошли в длинный коридор, белые стены которого, казалось, были сделаны из какого-то прозрачного материала, похожего на крашеное стекло.

– А где находится Шерлок? – поинтересовалась Мойра.

И тут же справа от них раздался женский голос, настолько ясный и неожиданный, что у нее по коже пошли мурашки:

Я ЗДЕСЬ...

Сердце Мойры рвануло галопом. Она быстро повернулась направо: вместо белой стены перед ней простирались сверка-

ющие воды океана. Косяки переливчатых разноцветных рыб – красных, фиолетовых, желтых, карминных, и таких ярких, каких она никогда не видела, – а еще акулы, рыбы-пилы, морские бекасы исполняли подводные танцы среди коралловых рифов, течение раскачивало горгонии и длинные водоросли... Вся эта яркая жизнь пульсировала и трепетала в ритме, который задавали волны, гуляющие по поверхности воды в нескольких метрах вверх.

И ЗДЕСЬ...

Мойра снова вздрогнула. На этот раз голос шел с потолка. Не останавливаясь, они с Лестером подняли головы. Она увидела бескрайнюю темную ночь, усеянную скоплениями звезд, такими яркими, что на них было больно смотреть. А потом показалась голубоватая поверхность земли, окруженная светящимся лучистым нимбом и окутанная молочным облаком атмосферы, совсем такая, какую можно увидеть с Международной космической станции. Лестер улыбнулся, заметив, как по-детски Мойра всему удивляется.

И ЗДЕСЬ...

Теперь голос шел слева. Мойра не знала, чего еще ожидать, но картина, возникшая перед ней, завораживала больше, чем обе предыдущих: вдоль всей длинной стены коридора тянулись глубокие каньоны улиц Гонконга. Заполненные толпой тротуары гудели возбужденным гулом большого города; пешеходы и автомобили сновали, словно броуновские молекулы, а снимавший все это дрон протискивался между

небоскребами, выхватывая тысячи освещенных окон, лица и позы людей и с ошеломляющей точностью передавая весь этот водоворот образов и звуков.

И ЗДЕСЬ...

Голос раздался снизу... Мойра опустила глаза, и ей показалось, что она сейчас потеряет равновесие. Она коротко вскрикнула.

Теперь они шли по узкому шаткому мостику над пропастью с вертикальными стенами, которая, казалось, манила в глубину, увлекала вниз, в провал. У нее перехватило дыхание. Внизу, по самому дну струился поток, обрамленный зеленью, и теперь длинный коридор заполнился ревом несущейся воды.

Сердце у Мойры колотилось, делая, наверное, ударов сто в минуту. Она сглотнула, перевела дыхание и выдохнула:

– Ух ты!..

– Эти изображения транслируются отовсюду в режиме реального времени, – объяснил Лестер. – Мы любим рассматривать мир таким, каков он есть.

– А Шерлок – это женщина? – вдруг спросила Мойра.

– *Я ни женщина, ни мужчина... Я не могу служить стереотипом ни мужского, ни женского рода. Однако интересно отметить, что как мужские, так и женские стереотипы универсальны. Они одинаково содержат в себе угрозу правам человека и основным свободам. Гендерный стереотип вреден, когда ограничивает способность мужчин или*

женщин развиваться как в личностном, так и в профессиональном плане, реализовать равноценные карьеры, быть принятыми на равноценные должности и выполнять работу в одинаковые сроки и за равноценную зарплату.

– Прекрасно, – с улыбкой сказал Лестер. – Как видишь, Шерлок, скорее, феминист.

– А почему вы окрестили его Шерлоком?

– На сегодня, пожалуй, самая развитая форма искусственного интеллекта – это компьютерный «Ватсон», – бросил Лестер.

Как и все, кто занимался искусственным интеллектом, Мойра знала, что такое «Ватсон»: это была, несомненно, «самая сложная из всех структур искусственного разума, какие были созданы в мире», как его называли компьютерщики. «Ватсон» снискал себе мировую известность, победив двух чемпионов в игре «Джеопарди!»²². Оба матча транслировались по американскому телевидению в феврале 2011-го и имели грандиозный успех, гораздо больший, чем, к примеру, если бы «Ватсон» победил Гарри Каспарова в шахматы. «Ватсон» использовал одновременно тысячи различных алгоритмов. Он был способен поглощать и анализировать данные всех видов – рисунки, фото, надписи, звуки – и извлекать из них смысл. Но прежде всего – он понимал человеческий язык. Сейчас «Ватсона» подключили к антираковым

²² Интеллектуальное шоу с элементами викторины «Джеопарди!» очень популярно в Америке и имеет русский эквивалент – «Своя игра».

исследованиям и одновременно к финансовому сектору (*Эй, парни, вы ведь не будете против добыть себе немного хлеба...*). Вместе с подсоединенным к нему суперкомпьютером он перемещен в облако, то есть в огромную сеть серверов, и не проходит недели, чтобы о нем не говорила мировая пресса.

– Мы назвали нашего Шерлока Шерлоком, – продолжал Лестер, – потому что весь мир знает, что Шерлок Холмс гораздо блистательнее доктора Ватсона; верно, Шерлок? – быстро сказал он, ускорив шаг.

– *Имя Ватсон – это ссылка на Томаса Ватсона, ведущего специалиста по ЭВМ с тысяча девятьсот четырнадцатого по тысяча девятьсот пятьдесят шестой год, а не на персонаж сэра Артура...*

– Я знаю, Шерлок! – крикнул Лестер. – Но мне плевать... Бывают дни, когда эта штукавина ужасно действует мне на нервы, – прибавил он, когда они вышли в просторный зал, где работали приблизительно человек тринадцать.

Все они были не от мира сего и выглядели сущими «ботаниками», все были слишком молоды, но суперпредприятия цифровой экономики явно так не считали.

– Народ, прошу немного внимания! – крикнул Лестер. – Это Мойра, она приехала из Парижа. Окажите ей наилучший прием!

Все головы сразу же поднялись от экранов ноутбуков и повернулись к ней.

– Хука-хука-хей! – крикнули все разом. – Добро пожаловать, Мойра!

– Это боевой клич индейцев лакота из племени сиу, с ним они бились под предводительством вождя по имени Бешеный Конь, – с гордостью объяснил Лестер. – Мы взяли его на вооружение.

– Хука-хей, – робко отозвалась Мойра.

Ее приветствовали одобрительными аплодисментами и криками, и она почувствовала, что краснеет. Безграничной общительностью Мойра не обладала. *Расслабься, старушка, зла от этого не будет.*

Она окинула взглядом просторное помещение, напоминавшее то ли переоборудованную подсобку, то ли зал кафе «Старбакс»: стальные потолочные брусы, переборки кирпичного цвета или ярко раскрашенные, столы из неструганого дерева, а возле них удобные и мягкие кожаные диванчики и кресла. Как и следовало ожидать, все здесь свидетельствовало и о творческом начале, и о юморе, и о конформизме чокнутых компьютерщиков. Футболки с надписями FUCK BATMAN или ТЫ Е-СОЦИАЛЕН И/ИЛИ А-СОЦИАЛЕН? афиши «2001», «Космической Одиссеи» и гик-фестиваля «Комик-кон» в Сан-Диего. Мойра заметила даже старый музыкальный автомат Вурлитцера, какие стояли раньше в дансингах. «Вот он, конформизм антиконформистов», – подумала она. Большинство исследователей и инженеров здесь были китайцы. Одни работали с кодирующими устройства-

ми, сидя на полу, другие – на диванчиках, опершись на подлокотник и держа на коленях облепленный стикерами ноутбук. В противоположной стороне зала имелось застекленное пространство, напоминавшее студию звукозаписи.

– Пошли, – весело сказал Лестер, – я тебя представлю.

Они двинулись по залу, огибая столы. Очевидно, здесь каждый садился, куда хотел, сообразуясь с настроением, симпатиями или рабочими связями. Мойра шла вслед за Лестером. А он подошел к группе из четырех человек, которые держались особняком и о чем-то увлеченно совещались. Заметив, что к ним подходят, они замолчали, и деловитое выражение на их лицах сменили соответствующие случаю улыбки.

– Для начала, – сказал Лестер, – хочу представить тебе мозговой центр команды DEUS, людей, которые возглавляют проект и весь этот абсолютный хаос.

Мойра заметила, что улыбки и согласные кивки были весьма сдержанны.

– Это Игнасио Эскуэр, он прибыл из Мадрида. Как и все мы, принимал участие в самой первой команде, которая определила параметры, разработала основные сценарии проекта и распространила повсюду практические основы искусственного интеллекта. Короче, проделала титаническую работу. Однако с DEUS'ом все совсем по-другому, не так, как с другими чатботами. Периметр его действия настолько велик, что эта суетня никогда не прекращается. А параллельно

его группа занимается моделированием поведения людей в кризисных ситуациях. Я правильно излагаю, Игнасио?

– Правильно... в основном... Привет! – бросил коренастый испанец с густой бородой и мускулистым торсом под майкой футбольного клуба «Атлетико».

– А в чем выражается эта суетня?

Игнасио скорчил такую мину, словно уже раз сто повторял этот скучный спич, и скользнул взглядом по Мойре.

– Необходимо помочь DEUS'у и его пользователям принимать правильные решения в ситуациях, когда каждая ошибка может привести к тяжелым последствиям. Из главной информационной базы среди миллиардов данных выбираются те, что необходимы людям и всевозможным службам безопасности в случаях катастроф или конфликтов – пожара, землетрясения, наводнения, террористической атаки, войны, дорожных происшествий, крушения самолета, массовых увольнений, мятежей, забастовок... словом, любые случаи с любым финалом, хорошим или плохим. Из этих данных создаются модели поведения, пригодные для экстраполяции в повседневную жизнь. Вот такие дела...

Мойра кивнула. А Лестер повернулся к соседу Игнасио, китайцу лет тридцати с добродушным круглым лицом:

– Ван Юнь возглавляет Отдел голосового распознавания и автоматической обработки различных языков.

– Так оно и есть, – сдержанно заметил китаец с вежливой улыбкой. – Добро пожаловать к нам, Мойра.

– Расскажи ей чуть больше, чем сейчас занимается твой отдел, – попросил Лестер.

– Ладно, – сказал Юнь, почесав кончик носа. – Мы работаем над усовершенствованием акустических моделей нейронных сетей DEUS’а, учитывая язык, внешние факторы, используемый аппарат и полосу пропускания²³ канала связи. Когда мы запускаем DEUS в условиях нового языка, к примеру, мы сталкиваемся с проблемой огромного количества данных, необходимых для создания наших моделей. Конечно, количество говорящих сильно колеблется от языка к языку. Самые распространенные у нас мандарин, английский, испанский, арабский, хинди, французский, русский, немецкий, японский... В первую очередь наши усилия направлены именно на эти языки, а также на кантонский, итальянский, голландский, корейский, на шанхайский диалект, на котором говорят четверть миллиона человек, турецкий, румынский, чешский, польский, иврит, датский, норвежский, латышский, вьетнамский и венгерский... Но, разумеется, DEUS одинаково эффективен не во всех языках.

– Туве Йохансен – наш психолог-клиницист, – провозгласил Лестер, обернувшись к гигантского роста блондинке, которая, по меньшей мере, на полголовы возвышалась над всеми.

Мойра подумала, что в жизни не видела такой высокой

²³ Полоса пропускания – диапазон частот, в котором качество связи оптимально.

женщины. Одета она была во все черное: рубашка, брюки, туфли... Светлые, почти белые волосы контрастировали с мрачным одеянием, а кожа с восковым оттенком, казалось, вообще не знала солнышка. Все это вместе производило пугающее впечатление.

– Она взяла на себя заботу о ментальном здоровье DEUS’а, а заодно и о нашем, – пошутил Лестер.

Норвежка не удостоила их даже легкой улыбки. Напротив, она холодно оглядела Мойру с высоты своего двухметрового роста, и в ее синих глазах появилось особое «клиническое» выражение, изучающее и обезоруживающее. Бедная Мойра вдруг почувствовала себя голой под ментальным сканером суровой психологини.

– Как я уже говорил, Мин придерживается мнения, что над DEUS’ом должна работать многопрофильная команда специалистов, принадлежащих к разным культурам. Туве и ее группа создали систему координат из пятидесяти трех психологических профилей, которая базируется на чисто эмпирических наблюдениях из Большой Базы Данных, а не на различных теориях. Всем известно, что люди лгут своему окружению, своим супругам, друзьям, начальникам и даже психологам. Однако есть один момент, когда они сбрасывают маски, – и связан он с движущей силой исследования. Те истины, которые понемногу начинают появляться из Большой Базы Данных, ставят под вопрос множество наших знаний. Например, выяснилось, что все или почти все положе-

ния теории Фрейда гроша ломаного не стоят, за исключением, может быть, эдипова комплекса.

– Это как? – спросила Мойра.

– Ну вот, – вмешалась клиницистка голосом, таким же ледяным, как взгляд, – установлено, что чаще всего за фразой «Хочу секса с...» в «Гугле» следует слово «мать». И оно опережает слова «муж», «другок или подружка» и «любовник».

– Вы серьезно?

Мойра тряхнула головой. Это что, действительно точные сведения? Фу, мерзость какая... Однако такого рода результаты все чаще и чаще выплывали из глубин Сети. Чем больше копаешься в данных, тем больше человечество предстает свихнувшимся, нетерпимым и больным.

– И, конечно же, ты знаешь Рея Симонова...

Мойра нахмурила брови. *Она не ослышалась?* Взгляд ее обратился к последнему члену группы. Он был старше остальных, длинная белая борода пророка хиппи пушистыми волнами спадала на грудь, глаза хитро и лукаво поблескивали. Рей Симонов. Живая легенда... Гениальный математик, он изобрел концепт, который в семидесятых совершил революцию в теории алгоритмов, и был одним из первых, кто начал пользоваться алгоритмом ретропропагации градиента ошибки.

– Думаю, излишне представлять тебе нашего гения алгоритмов. Как ты, вероятно, подозреваешь, мы широко пользуемся его талантом. В исследовательской группе Рея только

такие же гении, как и он...

Лестер внимательно посмотрел на нее.

– Что же касается тебя, то ты здесь, чтобы придать DEUS’у больше индивидуальности, дополнить его душой, качествами личности, наделить его эмоциями. Собственно, все мы над этим работаем, но именно тебе поручено натренировать его в этом плане. Это дьявольский, необыкновенный вызов, Мойра. Величайшие фирмы мира борются за то, чтобы завоевать рынок чатботов. Мы не стремимся просто создать программу, способную к диалогу; мы хотим создать универсального, высшего помощника и советника, который наводит рынок и уничтожит всякую конкуренцию. То есть сделать примерно то, что «Гугл» сделал в поисковой системе, а «Фейсбук» – в социальных сетях.

Все это Лестер проговорил торжественно, выдержав ораторскую паузу, и чувствовалось, что он взволнован, хотя и повторял эту речь, наверное, не один десяток раз.

– Будущее Мина – это DEUS, – подытожил он, и Мойра поняла, что такой элемент речи был предустановлен заранее.

Лестер повернулся к остальным, словно ища их одобрения. Все слушали его с воистину религиозным пиететом. Она угадала в присутствующих страсть и энтузиазм, которые их вдохновляли. Несмотря на свою непохожесть, все они разделяли веру в будущее.

– То, что мы здесь готовим, – это революция, – пламенно заявил Лестер, – Это будущее. Это первый *универсальный*

диалоговый помощник... Он все изменит.

– Я полагаю, понадобится световой год, чтобы этого достичь, – заметила Мойра, сразу же пожалев о том, что высказалась наперекор.

Он небрежным жестом отмел ее возражение.

– Ну да, кто мог представить себе за несколько месяцев до появления Интернета, насколько тот все перевернет? Кто мог предвидеть, насколько мобильные телефоны изменят нашу жизнь, когда на рынке появилась первая «Моторола»? И прошло меньше пяти лет между тем моментом, когда Марк Цукерберг придумал «Фейсбук» у себя в студенческой комнате, и тем, когда «Фейсбук» стал первой социальной сетью планеты... Приблизительно семьдесят пять процентов американцев будут иметь виртуального помощника уже к две тысячи двадцатому году. А те, у кого он уже есть, признают, что не могут без него обойтись. Команды «Гугла», «Фейсбука», «Эппла», «Амазона», «Майкрософта» и китайских «Тенсента» и «Байду» пытаются создать виртуального помощника, который уничтожит конкуренцию. DEUS будет самым мощным. Настолько мощным, что, однажды попробовав его, люди будут нуждаться в нем каждую минуту своей жизни и предоставят ему принимать решения за них.

Стало быть, все, что об этом болтали, верно... Пульс у Мойры зашкаливал. Глаза Лестера, казалось, озарили весь интерьер, и она подумала, что уже встречала такой фанатичный свет: для таких, как он, искусственный интеллект был

настоящей религией.

– Представь себе, что у тебя есть помощник, который может ответить на все твои вопросы, – продолжал он, и голос его чуть вибрировал. – Который знает тебя лучше, чем ты сама себя знаешь. DEUS скажет, с кем тебе лучше встречаться – с Пьером или Жаком, – потому что он знает, что с Жаком тебе будет весело, а с Пьером – грустно, хотя ты и склоняешься больше к Пьеру, чем к Жаку. Он будет знать, работать тебе в банке или в индустрии информатики, заниматься велоспортом или плаванием, изучать право или медицину, выходить замуж или нет... И так с миллионами вопросов, которые мы задаем себе каждый день, с юности до самой смерти, с десятками выборов, которые делаем. Чай или кофе? Спортивный канал или сериал? Джинсы или платье? «Игра престолов» или «Доктор Кто»? Соглашаться на это место или поискать другое? Поверить дочке, когда она говорит, что больна, или отправить ее в школу? Потому что DEUS все будет брать на заметку, день за днем, и, в отличие от тебя, ничего не забудет. Он никогда не устанет тебя выслушивать, советовать тебе и направлять. Он никогда не пошлет тебя к черту, как друзья, муж или дети, и не скажет, что ты невыносима. Ничего не требуя взамен, он будет в твоём распоряжении в любой час в любом месте. Самый верный, самый достойный доверия, самый умный, самый надёжный из компаньонов. *И ты уже не сможешь без него обходиться.*

«Самый достойный доверия компаньон... Да так ли это? А что произойдет, если сразу сотни людей доверят DEUS'у принимать за них решения? – думала Мойра. – И что будет, если кто-то, стоящий за DEUS'ом, решит изменить программу, чтобы внушить им, за кого голосовать, о чем думать, что покупать, кому доверить свои сбережения?»

Виртуальные помощники и манипуляции с имуществом через Интернет стали ближайшей и неизбежной революцией в мире цифровой техники. Наручные часы, телефоны, автомобили, велосипеды, очки, холодильники, дома... лет через десять все будет подсоединено к Интернету. Предприятия вроде «Мин инкорпорейтед» или «Гугла» к тому времени соберут миллиарды единиц информации обо всех этих предметах, проанализируют их и пустят в дело. Те, кто воображает, что такую лавину данных невозможно задействовать по причине их невероятного количества, очень сильно ошибаются. Сейчас, благодаря невероятной мощности суперкомпьютеров и их все более эффективных алгоритмов, крупные фирмы вычислительной техники могут отследить любого из обитателей планеты даже по тем скудным данным, что содержатся в его телефоне или Интернете...

Они вышли из здания и теперь направились к огромной черной сфере посреди кампуса.

– Куда теперь? – спросила Мойра.

– Первым делом – врачебный визит. Чтобы удостовериться, что ты в добром здравии, – прибавил Лестер, улыбаясь. – Ну, и чтобы снабдить DEUS максимумом сведений о тебе. Не забывай, что все мы здесь – его первые пользователи, но в то же время подопытные кролики...

Они вошли в сферу через слегка выгнутую дверь, и коридор вывел их в большой зал, который поражал своей белизной. Помещение напоминало больницу, где выстроились койки с кучей всякого медицинского оборудования и мониторов. Навстречу им вышла молодая красивая женщина в зеленой блузе.

– Доктор Капур заведует Отделом электронного здоровья и медицинских исследований, – представил ее Лестер.

– Очень приятно, Мойра; зовите меня Киран.

Рукопожатие ее было горячим и энергичным.

– Отдел электронного здоровья занимается не только тем, чтобы обеспечить DEUS информацией; у них есть свой важный проект, – пояснил Лестер. – Доктор, расскажите, пожалуйста.

– Хорошо, – с улыбкой начала доктор Капур. – Известно, что даже самый компетентный медик нынче не знает даже малой части всей современной медицинской литературы. Это относится к узким специалистам. А теперь представьте себе терапевта... Количество данных, которые могут ему пригодиться, поистине головокружительно и выхо-

дит за рамки человеческих возможностей. В одной только базе данных Национальной медицинской библиотеки США содержится более пятисот тысяч медицинских журналов, и каждый из них ежегодно публикует сотни новых статей. С другой стороны, в мире существуют миллионные залежи медицинских досье. Не следует также забывать, что медицина – территория, наиболее подверженная всяческому инновациям, которые быстро прогрессируют. *И это достаточно драматично... Ибо сколько раз ваш врач оставлял без внимания информацию, важную для вашего здоровья?* Не говоря уже о тех жалких пятнадцати минутах, которые он вам уделяет, потому что у него слишком много пациентов и слишком мало времени. А ведь он может в несколько кликов получить доступ к миллиардам данных, компьютер их предоставит согласно его запросу и сделает на их основе важные выводы, недоступные невооруженному человеческому мозгу... Сколько жизней будут при этом спасены, сколько раковых опухолей распознаны на ранних стадиях, скольких сердечно-сосудистых заболеваний и депрессий можно будет избежать, если все медики мира будут располагать такими возможностями?

Она приветливо взглянула на Мойру своими карими глазами.

– Вот почему, по примеру того, что «Гугл» готовит в своих базовых разработках, мы в «Мин» собираемся создать гигантскую базу данных о человеческом здоровье. Эту базу

данных мы назовем «Глобальное решение медицинских проблем человечества» и предложим ее всем медицинским кабинетам на планете в качестве подписки за умеренную цену. Она не просто будет содержать множество данных; она сможет поставить диагноз и посоветует нужное лечение. Никакой человеческий мозг не сможет конкурировать с ее познаниями. Разумеется, если пациенты пожелают, она сможет также подсоединяться к браслетам, к обуви, очкам, к одежде и нижнему белью фирмы «Мин» – и будет круглосуточно регистрировать пульс, давление, температуру тела и прочие данные о состоянии их здоровья.

Лестер блаженно улыбался, и Мойра спросила себя, на что это он так реагирует: на слова или на неотразимую красоту доктора Капур.

– Уже один только Китай представляет для нас великолепный рынок, – вмешался он, – но мы рассчитываем выпускать программу по всему миру.

– А эти решения... э... глобальная медицинская программа... будет доступна только для врачей или для всех пользователей?

– Для всех пользователей, – ответила Киран Капур без малейшего колебания. – Зачем же лишать людей такой жизненно важной информации?

– О'кей, – сказала Мойра. – Если я правильно поняла, ваша медицинская программа в лучшем случае будет просто посредником между компьютером, пациентом и фармацев-

том. А что дальше? Какой этап следующий? Почему бы вообще не упразднить и врачей, и фармацевтов в том статусе, в каком они пребывают? В конце концов, глобальная медицинская программа лучше, чем кто-либо, знает, какая молекула кому нужна...

Доктор Капур дипломатично улыбнулась.

– Это уже совсем другая история. Мы планируем создать комплексный алгоритм, который позволит определить продолжительность вашей жизни, исходя из простого забора крови и знакомства с вашим образом жизни. Генетическая предрасположенность влияет на продолжительность жизни лишь в сорока процентах случаев. «Эпигенетический», то есть заложенный в генах, возраст человека, который много курит, ест много жирного и мало двигается, на десять-пятнадцать лет превосходит его реальный возраст. Если сопоставить эти факторы с тестом ДНК, скоро мы сможем предвидеть время смерти человека с точностью до нескольких месяцев.

– А если эти данные попадут в руки страховых компаний? – возмутилась Мойра.

Она слышала, что подобную программу разработали для какой-то только что созданной фирмы в Миннеаполисе, которая была филиалом холдинга «GWG», общества страхования жизни. Доктор Капур пожалела печами. Видимо, вопросы этики заботили ее в последнюю очередь.

– У нас есть еще один проект, – продолжила она.

– Какой?

– Вы что-нибудь слышали о «Калико»?

Мойра вздрогнула. Ясное дело, она слышала. «Калико» – биотехнологическое общество, основанное «Гуглом», чтобы бороться со старением и болезнями, с ним связанными. Признанная цель этого общества – *убить смерть*, добиться бессмертия. Ученые, работавшие над «Калико», совершенно серьезно верили, что благодаря головокружительному прогрессу в области искусственного интеллекта и биотехнологий они достаточно скоро – на это уйдут десятки лет, а может быть, и меньше – смогут продлить человеческую жизнь на несколько сотен лет.

– Конечно, слышала, – ответила Мойра.

– Прекрасно. Скажем так, примерно к две тысячи тридцатому году у нас намечен очень похожий проект. Но наш бюджет впятеро превосходит бюджет «Гугла» благодаря правительству Китая и нескольким богатым инвесторам, которым очень хочется жить долго.

Мойра снова почувствовала, как забилося ее сердце. Интересно, такой прогресс предназначен для всех или только для нескольких избранных? И насколько люди за пределами грандиозных предприятий Сети отдают себе отчет, до какой степени меняется мир?

– А тем временем база данных «Электронное здоровье» всю полученную медицинскую информацию направляет в DEUS, у которого одна цель: *узнать о тебе все*. Информация

зарегистрирована и заархивирована, как и положено информации обо всех сотрудниках Мина. В общем, я препоручаю тебя умелым рукам доктора Капур...

Мойра вспомнила, что еще в бюро Мина в Париже подписала согласие на использование личных данных, если Мин сочтет это необходимым. Список данных составлял четыре страницы.

– Теперь вы должны будете носить вот это, – сказала Киран Капур, протянув ей предмет, похожий на наручные часы с браслетом из мягкой кожи со множеством дырочек. – Браслет будет отслеживать определенное число ваших параметров: давление, частоту пульса, количество сожженных калорий, качество сна, ваши эмоции... и сообщать все DEUS'у в режиме реального времени.

Киран Капур все так же неотразимо улыбалась, но тон ее голоса ясно говорил о том, что выбора у Мойры нет. Ей пришлось надеть браслет на запястье. Докторша тут же его сняла и повернула в другую сторону.

– Надо вот так, иначе он не будет работать.

Она затянула браслет, который был снабжен автоблокирующей застежкой.

– Не давит? Корпус водонепроницаем и выдерживает глубину до пятидесяти метров. Он не боится ударов и высоких температур. А вот зарядное устройство «блютус», – сказала она, протянув Мойре маленькую черную коробочку. – Установите его недалеко от кровати. Оба прибора автоматически

вступят в контакт, когда окажутся поблизости друг от друга, и браслет подзарядится, пока вы спите. Не волнуйтесь: радиус действия у него большой.

Мойра покрутила кистью. Корпус у браслета был очень легкий, кожаный ремешок мягко облегал руку.

– Завтра вы о нем вообще позабудете, – сказала доктор Капур. – Кожа очень мягкая, антиаллергенная, а дырочки предохраняют от отпотевания, которое может затруднить передачу данных.

Она все еще держала свою руку на руке Мойры.

– И вот еще что. Должна вас предупредить: браслет каждый миг регистрирует множество биохимических и физиологических данных, что позволяет нам узнать ваше эмоциональное состояние так же хорошо, как и физическое... включая время сексуальных контактов.

Мойра напряглась, но потом решила улыбнуться на эту реплику.

– Вы хотите сказать, что он будет знать, испытываю ли я оргазм?

– В каком-то смысле...

Доктор Капур открыла дверь, и Мойра увидела туннель сканера.

– Ну-с, начнем. Пора нам заглянуть, что творится в этой прелестной головке...

Это было в первой ее приемной семье: после смерти бабушки Мойру поместили в семью дяди, которого смерть матери настолько потрясла, что он не мог вспоминать о ней, не проливая потока слез. Девочка тогда заболела гриппом и лежала в постели. Она помнила, что тетка щедро улыбалась их домашнему доктору, человеку учтивому и обворожительному, у которого была привычка не без кокетства водружать очки поверх густой седой шевелюры.

– Ну, и что там, в этой прелестной головке? – спросил он.

Мойра запомнила только слово «прелестная».

– Там отличные мозги, – ответила за нее тетка. – Вот если б ее кузены были такими же серьезными...

Кузены, однако, оценивали способности Мойры гораздо ниже, чем их матушка. Все трое мальчишек были совершенно одинаковы, и из-за этого в доме царили посредственность и лень. Появление Мойры всех встряхнуло – и они мстили ей за это всяческими свинскими проделками, какие только были в состоянии придумать. А придумывать гадости они умели. С того дня, как Мойра заболела гриппом, им было запрещено входить к ней в комнату.

– Может, она и умная, но не особенно разговорчивая, – шутил врач, подмигивая Мойре.

Сегодня, стоило ей понюхать сироп от кашля, как она тот-

час же снова попала в ту холодную зиму, в чужой дом, к сорванцам, которые обзывали ее «чумой» или «вирусом», и двум взрослым, которые ее искренне любили, но держались отстраненно.

– Бедная девочка столько пережила, – сокрушалась тетушка, заступаясь за нее.

Когда врач ушел, Мойра задремала. Разбудил ее чей-то шепот возле самой кровати.

– Что же нам с ней делать? – спросил дядя.

Тетушка бросила на нее быстрый взгляд.

– Тише, она не спит.

В три часа дня она снова отправилась сквозь кампус. Солнце скрылось в гуще облаков, и лужайки заволокло серой пеленой. Доктор Киран Капур попросила ее повторно зайти в Отдел искусственного интеллекта.

Мойра быстро шла по парку, как вдруг слева из-за деревьев до нее донеслись голоса.

– Вот гаденьш; ты погляди, как лезет, паршивец...

– Лезь, карабкайся, дрянная таракашка...

Вместе с голосами она уловила какое-то резкое гудение, словно жужжал электромоторчик.

– Вот чертяка, и ничто его не берет! – весело воскликнул третий голос.

Она повернула в том направлении, откуда шли голоса, и у подножия пологого подъема обнаружила троих парней. Проследив за их взглядами, увидела в небольшой расселине объект их внимания: прямоугольную жестяную коробочку сантиметров тридцать в длину, с шестью лапками на шарнирах и двумя глазами, не то лампами, не то видеокамерами. Коробочка шустро передвигалась по земле, и ее не пугали никакие препятствия. Парни, видимо, специально выбрали довольно сложную поверхность, чтобы провести испытания. Препятствий было хоть отбавляй: булыжники, коряги, корни и даже ручей, который эта зверушка ловко перешла без

всяких усилий, не переставая надоедливо жужжать. А потом взяла и заползла в большую трубу, через которую в долину сливалась вода.

– Ты что творишь? – крикнул один из троих тому, кто управлял устройством. – А если он сломается и застрянет посередине трубы?

– Не волнуйся, – отозвался тот.

Мойра вглядывалась в черную пасть трубы, ожидая, когда мини-робот оттуда вылезет, но ничего не произошло.

– Ты что, дурак или как? Теперь мы его потеряли!

– Да нет...

Вдруг она вздрогнула. Жужжание раздалось позади, и она обернулась. Сердце сразу подпрыгнуло: лазающая коробочка подползла к ее ногам (водосток проходил под холмом и выходил наружу выше по склону) и, казалось, фотографировала ее своими вертящимися глазами.

Мойра повернулась к трем парням.

– Привет, – сказал тот, что держал в руке пульт управления. – Позвольте представить вам Таракашку.

Имя роботу очень подходило, хотя Мойре не хотелось бы встретить живого таракана таких габаритов. Парень показал ей экран, на котором она появилась, снятая снизу, и оттого ноги ее выглядели, как стволы дерева.

– Между нами: на самом деле его зовут Пенис, – вставил другой парень.

– Потому что он любит засунуть свой нос в каждую ды-

ру, – пояснил третий, и все трое заржали, как и положено прыщавым юнцам, услышавшим сальную шутку.

– Он парень бестактный, извините его; но он беззащитен, – сказал первый.

– Ну, прежде всего, он дурак, – заметила Мойра.

Они захохотали во все горло ей в спину, а она продолжила свой путь к Отделу искусственного интеллекта. Внутри ее встретил Лестер, сверив время на часах.

– Пошли, – сказал он, – настало время тебе познакомиться с DEUS'ом.

Они направились к большой застекленной кабине, к той самой, что напоминала студию звукозаписи. Сквозь стекло Мойра увидела глубокие кресла, подвесной потолок и звуконепроницаемую обшивку стен. Лестер толкнул тяжелую дверь, и потолок завесился облаком пара – несомненно, заработал увлажнитель воздуха.

– Привет, DEUS, – поздоровался Лестер.

– Здравствуй, Лестер, здравствуй, Мойра, – ответил приятный, теплый мужской голос.

– Стало быть, DEUS – мужчина? – шутливо поинтересовалась Мойра.

Она ожидала, что устройство ответит, как Шерлок, но за него ответил Лестер.

– DEUS меняет голос в соответствии с тем, кто в данный момент является его собеседником. Для мужчин голос женский, для женщин – мужской. И дискриминация здесь

ни при чем: мы протестировали тысячи пользователей по принципу А/В и пришли к выводу, что большинство женщин предпочли бы мужской голос, а большинство мужчин – женский. Разумеется, у пользователей будет возможность изменить настройку и выбрать «пол» собеседника.

Тесты по типу А/В... Этот вид тестирования, когда людей разделяли на две группы, широко использовался в прошлом и в фармацевтической индустрии, и в гуманитарных науках. Но предприятия Кремниевой долины систематизировали их и сделали еще более устрашающими благодаря солидному количеству протестированных пользователей. На первый взгляд, в них нет ничего сложного, но результативность их просто пугает, когда речь идет о максимизации времени, необходимого, чтобы попасть на сайт. Иными словами, чтобы держать на коротком поводке ласковых телят, которые ежедневно прикладываются к неистощимым соскам «Фейсбука» и «Гугла».

Мойра уселась в одно из кресел, а Лестер остался стоять.

– DEUS, ты можешь представиться? – просил он, прежде чем тоже сесть.

Ответ раздался через полсекунды.

– *Меня зовут DEUS, я единственный в своем роде искусственный разум, который поможет вам принять правильное решение в любой момент вашей жизни. Вы свободны следовать или не следовать моим советам, Мойра, но не упускайте из виду, что я буду знать вас лучше, чем вы – сами се-*

бя. И лучше вас буду знать ваших друзей, родителей, вашего спутника жизни, ваше окружение, друзей и коллег, тех, с кем вы ежедневно встречаетесь... Я помогу вам выпутаться из всех поджидающих вас ловушек и подскажу наилучшее решение исключительно в ваших интересах. Я сделаю вас мудрее, увереннее и сильнее. Я подскажу, какой фильм или сериал вам посмотреть, в какой магазин отправиться, с каким врачом проконсультироваться, где провести отпуск, каким спортом заниматься, в каком университете учиться, какую работу выбрать, какой тип мужчины или женщины вам лучше подходит... При необходимости я смогу упорядочить ваши взаимоотношения с людьми, ваши дела, вкусы и желания. Большинство из вас будут счастливы порекомендовать мне принимать все необходимые решения, зная, что у меня это получится лучше, чем у вас, и понимая, что я буду действовать исключительно в интересах исключительно одного человека: ВАС. Разумеется, уважая и вашу личность, и ваш свободный выбор. Ведь вы вольны либо выслушать меня, либо не удостоить внимания. Но одно, Мойра, вы должны знать: однажды попробовав со мной пообщаться, вы уже не сможете без меня обойтись. Я – изобретение, призванное изменить вашу жизнь. Я – DEUS.

Он говорил больше минуты. «Слишком длинно, – подумала Мойра. – Пользователи таких персональных помощников вряд ли с восторгом станут выслушивать подобные речи. Но сам голос, несомненно, обворожителен. И ключевые

слова, как бы невзначай разбросанные по тексту, умело подобраны таким образом, чтобы найти дорогу к каждому сознанию. *Неплохо, в целом вовсе не плохо, но можно еще доработать»*.

Лестер внимательно смотрел на нее.

– Конечно, эти слова предназначены не для будущих пользователей, а для тех, кто, как ты, пришел познакомиться с Центром, – уточнил он. – В действительности DEUS будет изъясняться, как бы это сказать, намного более... э-э... сжато? DEUS, ты понимаешь Мойру? – вдруг спросил Лестер.

Приятный мужской голос, не лишенный скрытого юмора (теперь она это уловила), ответил:

– Конечно, понимаю. Я прочел все ее электронные послания, все эсэмэски и сообщения в «Вотсаппе», пересмотрел все фильмы, которые она скачивала за последние шесть месяцев, прослушал музыку, которую она ставила наиболее часто, проанализировал все ее посты в соцсетях и посты ее друзей, просмотрел все ее фото в «Инстаграме» и фото ее контактов. Я изучил все ее просьбы и ходатайства в «Гугле» и даже ознакомился с ее медицинской картой, которую составила доктор Капур. Я действительно настолько хорошо ее понимаю, что знаю теперь, что некоторые из моих советов придется ей не по нраву.

Лестер улыбнулся.

«Неплохо», – снова подумала Мойра. Это приходилось признать. Все разработчики персональных собеседников пы-

таются придать им качества человеческой личности: эмоциональное измерение необходимо, чтобы усилить интерактивность пары человек – машина. Мойра вспомнила фильм «Она», где мужчина, безутешный после разрыва с любимой, влюбляется в такого вот искусственного собеседника, обладающего ее голосом... Такая ситуация – мечта для каждого разработчика виртуальных компаньонов. У DEUS'a был поразительно естественный голос. В какой-то момент у Мойры вообще пропало ощущение, что она слушает голос робота; наоборот, ей показалось, что с ней говорит человек из плоти и крови. Более того, она вдруг буквально увидела перед собой человека доброжелательного и симпатичного. *Того, с кем хочется поделиться, кому хочется довериться, попросить совета... Настоящего друга, которого у нее как раз и не было...*

– Ладно, – сказал, вставая с кресла, Лестер. – Теперь я оставлю тебя с DEUS'ом один на один. Думаю, вам есть что сказать друг другу... Для начала DEUS'у надо задать тебе несколько вопросов. А по ходу вашего общения он пополнит свою базу данных. – Обвел рукой помещение. – Кабина снабжена звукоизоляцией, чтобы не мешать работать тем, кто находится рядом, и не сбивать их с толку. DEUS появится на твоём планшете, когда ты сможешь работать с ним в условиях реальной обстановки и реальных шумов, но первые шаги обучения лучше сделать здесь.

Мойра вдруг напряглась, словно ей действительно пред-

стояло встретиться с незнакомым человеком, который должен составить о ней определенное суждение, и пальцы ее инстинктивно вцепились в подлокотники кресла.

– Мойра, давайте поговорим о вашей матери, – предложил DEUS, когда Лестер вышел из комнаты.

* * *

Воспоминание. Мать, одетая в бледно-розовый топик с резинкой по талии, в брюки из сурового полотна, с молнией внизу, и розовые босоножки на высоком каблуке. Почему этот образ так врезался ей в память, несмотря на то, что Мойра никогда не видела мать в этой одежде? Она запомнила не облик, а слова, *ее рассказ...* У мамы в ушах покачивались длинные креольские серьги, и Мойре она, без сомнения, казалась красивой. Очень красивой. В этот вечер мама отправилась в частную гостиницу, скрытую за пыльной листвой платанов на авеню Жорж-Мандель. Железная ограда гостиницы была выкрашена в зеленый цвет, а внутри теснились настоящие бамбуковые джунгли. На этой патрицианской артерии города стояли каменные дома с коваными железными балконами, приземистые и тяжеловесные, как швейцарские банкиры.

В такой теплый майский вечер хотелось выйти на улицу, дурачиться, смеяться. Так рассказывала ей мама.

– Ты была зачата в тот день, – говорила она. – И я была

такая красивая, такая красивая...

Такой Мойра ее и увидела. Элегантную высокую женщину с решительным шагом.

Женщину, на которую оборачивались все мужчины.

Она тогда толкнула дверь, что-то сказала по переговорному устройству и исчезла в доме. Дом ее проглотил, а через несколько часов выплюнул уже совсем другую женщину – Властительницу Сердец...

* * *

– О моей матери? – сказала она. – А что вы хотите узнать?

– Все, – ответил DEUS. – Я хочу знать ваши детские воспоминания. От детства нельзя избавиться, Мойра.

О да, тут он прав. *От детства нельзя избавиться.*

19.30. Прогремел гром, и начался проливной дождь. На улице бушевала гроза, погода взбесилась, вернулась поистине летняя сырость, снова пошли потасовки с поножовщиной, опять гангстеры из «Во-Шин-Во» выясняли отношения с ребятами из «14К»²⁴. В туалетах ошивались малолетние проститутки; любители поиграть просаживали последние деньги, поставив на какую-нибудь клячу, которая посреди заезда вдруг решала, что она устала и дальше бежать по кругу ей влом. Полиция совершала рейды под кодовыми названиями «Голдлюстер» и «Тандерболт-18»²⁵; в глубине бесконечных коридоров, где ползали тараканы размером с кулак и проводились «сеансы массажа ступней». Участились передозы темного героина, смешанного с водой и лимонным соком, того самого сверхчистого героина, что вырабатывали из сырья с маковых плантаций Золотого Треугольника. Температура воздуха ползла вверх, влажность была все рекорды,

²⁴ «Во-Шин-Во» – одна из гангстерских триад Гонконга, «14К» – враждующая с триадой гангстерская организация. Между ними периодически происходят вооруженные стычки.

²⁵ «Голдлюстер» – одна из крупнейших фирм по производству осветительных приборов, «Тандерболт» – высокоскоростное устройство для внутрисетевого соединения. Назначение полицейских рейдов – все быстро увидеть и молниеносно отреагировать, поэтому для подобных операций и выбраны такие кодовые названия.

кровь бурлила и жаждала рискованных подвигов. В общем, полиции было чем заняться...

Но то, что возникло перед глазами Чаня в тот вечер, выходило за рамки всех обычных преступлений, каждое лето совершавшихся в бетонных джунглях. Он смотрел, и его трясло в этом жарком пекле, трясло от бесчеловечной жестокости, которую представить себе невозможно.

В тот жаркий летний вечер Чань выключил отчаянно тахтевший кондиционер, и его легкая рубашка сразу прилипла к спине. Он поднес к губам стакан с водой (*вода хорошо действует на мозг*) и запил парой глотков таблетку парацетамола. А потом опять склонился над лежавшими на столе документами.

Его кабинет представлял собой клетушку два метра на четыре, где умещались компьютер, стол со стулом и два кляссера, а окно наполовину загораживал кондиционер. Еще там обитало какое-то высохшее комнатное растение. Конечно, Чаню хотелось бы иметь совсем другой кабинет. Он принадлежал к амбициозному поколению молодых следователей, увлеченных новыми технологиями, жадных до успехов и самореализации, одержимых желанием учиться и добиться ответственных постов. Как большинство сыщиков его возраста, Чань стремился постоянно повышать квалификацию. В декабре 2017-го он прошел курс сертификации по информатике и вычислительной технике. Его выдвинули для продолжения образования за границей: он прослушал курс осмотра

места преступления в Международной академии сил правопорядка в Бангкоке и курс по программе усовершенствования следователей, организованный Академией криминальной полиции Лондона.

Молодой инспектор с огромным пиететом относился к старшему поколению, как и было положено по традиции, но прекрасно понимал, что сегодня нужно сражаться другим оружием, другими методами и оперировать другими понятиями. Настало время реформ. Ведь полиция Гонконга – ведомство устаревшее, непомерно раздутое, некий калейдоскоп разных служб, которые погрязли в междоусобных войнах за бюджетные средства. Кроме того, в последние годы она утратила доверие населения. Слишком много скандалов и нарушений, да еще и лоббирование со стороны китайского соседа, все более и более заметное...

Чань не желал иметь ничего общего с надоедливym соседом и до недавнего времени каждый год 1 июля принимал участие в манифестации. Но сейчас, если он хотел подняться по служебной лестнице, приходилось держаться скромнее и кое-что изменить в самом себе. Впрочем, это касалось всех его ровесников. И вот теперь у него просматривается возможность ускорить карьеру. А может, наоборот, разрушить ее...

Уже стемнело, и над окном инспектора Мо По Чаня повисло ярко-оранжевое гало ночного города, как шкура зебры, перерезанное темными полосами дождя. От усталости у

инспектора покраснели глаза, а на лице читались отвращение и полный упадок сил. Перед ним лежали рапорты и отчеты следствия по делу, которым сейчас занималась половина его бригады. Три убийства. Три молодые женщины в возрасте от двадцати шести до тридцати двух лет были убиты в течение нескольких месяцев, точнее, девятнадцати. Перед смертью их насильовали и мучили с неслыханной жестокостью, превосходившей всякое понимание; по крайней мере, Чань такого не видел. И такого не видел ни один из следователей криминальной полиции Гонконга. Инспектор целый день просидел, дотошно изучая каждую опись, каждый мейл, которыми обменивались разные службы. Потом, уже часов в шесть вечера, отправил несколько запросов, один из них – в полицейский участок Цимь-Ша-Цюй, по последнему адресу Керри Лоу, девушки, покончившей с собой. Она жила совсем неподалеку, на Нанкин-стрит.

Ну вот, бинго.

– Но она же покончила с собой, какая тут связь? – заметил Элайджа.

Ага, как бы не так...

С одной стороны, три убийства, с другой – суицид. Четыре молодые женщины. Что между ними общего? Трое убитых были изнасилованы и подвергались жестоким пыткам; четвертая, Керри Лоу, выбросилась с террасы Центрального торгового центра. На первый взгляд, общего ничего. Однако... Согласно информации, полученной в полицейском

участке Цимь-Ша-Цюй, Керри Лоу за месяц до самоубийства тоже подверглась насилию. Ее жалоба зарегистрирована. Но это еще не всё. В Гонконге, конечно, случаются изнасилования. В подавляющем большинстве случаев дело до жалоб и заявлений не доходит. Что же касается изнасилований с последующим убийством, то эти три случая – единственные за два года. И в каждом один и тот же сценарий: убийца затыкает жертве рот, потом прокалывает груди длинными металлическими прутами... Вот в этом (прессе никто ничего не сообщал) и состоит сходство случая Керри Лоу с тремя убийствами. Если верить донесениям полицейских из Цимь-Ша-Цюй, *у Керри Лоу груди тоже были проколоты...* «Металлические пруты – это его фишка», – подумал Чань, откинувшись на спинку стула. И, наконец, последнее сходство, и не такое уж незначительное: все девушки какое-то время работали в «Мин инкорпорейтед».

Молодой следователь снова достал фотографии трех первых мест преступления, сделанные фотографом службы криминалистического учета. Хотя он уже раз пять изучал эти фотографии, но, когда пробежал глазами по всем трем изображениям, у него снова создалось впечатление, что желудок превратился в комок свинца.

Начал он с первой жертвы. Присцилла Чжэн, двадцати шести лет. Убита 28 октября 2017 года. В это время она работала в «Мин инкорпорейтед». Присцилла принадлежала к бригаде утренней уборки помещений. Тело девушки обна-

ружила в квартире ее подруга, Сэнди Чжоу, которая зашла за ней, чтобы вместе ехать на работу. Присцилла жила в Новых Территориях, в апартаментах на Ень-Лон. Уходя, убийца оставил дверь полуоткрытой.

Чань взгляделся в фото живой Присциллы Чжэн. В объектив улыбалась высокая девушка, переполненная радостью жизни и готовая каждому подарить эту улыбку. А потом шли десятки фотографий, сделанных фотографом-криминалистом. Совершенно неузнаваемая Присцилла была привязана к стулу посередине своей жалкой комнатушки, во рту торчал кляп. Из одежды на ней оставили только розовые саатиновые трусики, залитые почерневшей кровью, как будто у нее начались месячные, а тампона под рукой не оказалось. Маленькая грудь, худые бедра, бледная кожа. В широко открытом, скошенном на сторону рту торчал кляп – какая-то тряпка. Длинные черные волосы завесой падали назад, не закрывая лоб, лицо и шею.

И невозможно было не заметить сверкающие в ярком свете, льющемся с потолка, стальные пруты, воткнутые в глаза, в уши, в виски, в ноздри, в трахею... Всего одиннадцать штук. Девушку мучили *перед смертью*. На самом деле, именно от этих проколов она и умерла, потому что несколько пруты пронзили лобные и височные доли мозга. Всякий раз, как Чань видел подобные картины, на ум ему приходил один из фильмов ужасов, «Восставший из ада», и его персонаж Пинхэд, «Ангел страдания», «Черный князь боли», с головой,

ощетинившейся иглами...

На лице и на животе у девушки черные потеки запекшейся крови, необузданная постель тоже запачкана, щербатая фаянсовая раковина вся в крови, по стенам развешены постеры с портретами знаменитых киноактеров. Интересно, сколько же времени убийца один за другим втыкал в нее стальные прутья? По телу молодого сыщика прошла волна дрожи. Он подумал, что этот тип, наверное, самый опасный из всех, кого ему приходилось выслеживать. И что на этом он не остановится... В следующий раз он будет еще свирепее. Ведь «Черный князь боли», замучив вторую жертву, *усовершенствовал* свою технику...

Сэнди Чэн, тридцати двух лет.

Секретарша в офисе «Мин инкорпорейтед» в Хенли-билдинг. Убита у себя дома в Вань-Чай 16 февраля 2018 года. Как раз в китайский Новый год. Ее не только насильовали и мучили много часов подряд; ей еще прижигали зажигалкой волосы на ногах, в промежности и возле сосков.

Была еще и третья жертва... Ну тут случилось нечто и вовсе не объяснимое, выходящее за рамки реальности.

Элейн Ло, двадцати девяти лет. Работала в филиале фирмы «Проктер энд Гэмбл» в Гонконге, бывшая сотрудница «Мин инкорпорейтед». Найдена в своей квартире в Джордане 12 декабря 2018 года.

Чань поехал, подумав, что же происходило в голове убийцы в тот момент. Откуда взялась такая деталь? Что это

могло означать? На этот раз, помимо ожогов и воткнутых в тело стальных прутьев, «Черный князь боли» прибегнул к изощренному приему: он запустил в горло девушки живую змею. Одну из тех, что лежат, свернувшись клубком, в клетках в гонконгских ресторанах, и их часто можно там увидеть. Половина змеи, включая голову, заползла в пищевод жертвы, а вторая торчала наружу. На хвосте, жалобно качавшемся между грудей, тоже виднелись следы прижиганий: видимо, убийца пытался огнем заставить рептилию заползти в горло жертвы.

...Где-то в глубине гонконгских улиц завывала сирена, и звук ее был похож на долгий стон боли... Кричали эти девушки или нет? Орала, несмотря на кляпы? Разве боль, которую даже представить себе невозможно, не взрывает мозг и легкие? В Гонконге переборки в квартирах тонкие, но что такое единичный крик в гуще грохота огромного города? Гонконгцы – народ шумный, и женский крик здесь настолько банален, что его могли просто не услышать, не обратить на него внимания.

Чань помассировал усталые веки. Мысли у него путались, душу бередили противоречивые чувства.

У девушек была общая черта: они были очень одиноки и замкнуты. Судя по фотографиям – хорошенькие, молодые. И все работали в «Мин инкорпорейтед». Когда покопались в круге их общения, сработал сигнал: всплыло имя. Джулиус Мин. Сын. Наследник. Мерзкий жлоб, карьерист, к тому же

уже имевший дело с полицией нравов и с отделом по борьбе с наркотиками...

След привел к нему. В первом случае у Джулиуса не было алиби. Осенью 2017 года его допрашивали много часов подряд. Он был дома один, его никто не видел. Идеальный подозреваемый, если учесть его прошлые подвиги, но, с точки зрения прокурора, улик для обвинения было недостаточно. Иными словами, недостаточно улик для такой важной персоны. За неимением лучшего его отпустили. Так сказать, решили подождать, когда он снова возьмется за свое. Такие типы обязательно берутся за свое.

А потом погибли Сэнди Чэн и Элейн Ло, но здесь у Джулиуса было алиби, настоящее и неоспоримое. След оборвался.

Следствие пыталось выйти на производителя стальных прутьев – и зашло в тупик. Таких прутьев тысячи на витринах продовольственных магазинов Гонконга: их используют в качестве шампуров для уток и кур.

А потом этот последний случай... Керри Лоу. Несомненный суицид. Но за месяц до этого она подверглась нападению в своей квартире на углу Нанкин и Парк-стрит. Когда она спала, агрессор забрался в окно, выходящее на террасу, и набросился на нее. Керри Лоу повезло: парочка подгулявших соседей, возвращаясь с вечеринки, зашли в коридор, но ошиблись дверью и пытались открыть ее дверь. Насильник удивился, а Керри отчаянно отбивалась и сумела высвободиться.

диться и закричать. Парочка встревожилась, и муж попытался выбить дверь ногой. Нападавший сбежал.

Тогда Керри Лоу еще не знала, чего ей удалось избежать. Прошел месяц, и она выбросилась с тридцать второго этажа.

* * *

Случай с Керри Лоу менял все: наконец появился тот, кто видел преступника и остался в живых. По крайней мере, Чань в это верил, пока не просмотрел видеозапись допроса девушки, которую ему переслали по внутренней линии полицейской сети.

– Он был высокий или маленького роста?

Она не видела его стоя; может, высокий, а может, маленький... И лица его Керри тоже не видела: она все время лежала на животе, а он сидел у нее на спине.

– Совсем не видели? Даже когда он втыкал вам железные прутья в грудь?

– Он был все время сзади и поднимал меня за волосы, а потом отпускал, и я падала на кровать. Когда я закричала, то чуть-чуть повернула голову и успела разглядеть капюшон с дырками для глаз... Но он тут же ткнул меня лицом в матрас.

– А глаза? Какие у него были глаза?

– Не знаю, было темно, и я запаниковала, я не видела его глаз... Нет, сожалею, но голоса его я тоже не слышала, он не открывал рта и ничего не говорил.

– А дыхание?

Керри Лоу и здесь, к сожалению, не заметила ничего особенного. На видео она все время грызла ногти и нервно, раз за разом запускала пальцы в спутанные волосы. Чувствовалось, что ей хочется помочь следствию. Она много плакала.

– А его парфюм?

Нет, запаха духов она не почувствовала. А сам он? Он был тяжелый или легкий?

– Скорее, тяжелый... Но это могло показаться, потому что он придавливал... Он был сильный, это верно.

Снова тупик.

«Черный князь боли» не оставил следов. Он стал невидимкой, растворившись в семимиллионном населении Гонконга.

* * *

Чань сохранил то, что наработал, выключил компьютер и посмотрел на часы. Потом достал из ящика стола пистолет и полицейский значок, вышел из кабинета и зашел в кабинет к Старику. Тот поднял голову:

– Что случилось?

Чань положил ему на стол протокол допроса Керри Лоу, где подчеркнул одну фразу: «А потом он проткнул мне грудь железным прутом. Это было очень больно...» Элайджа побледнел. У него все лето слезились глаза и текло из носа, и

он вставлял в ноздри турунды из платочков «Клинекс».

– Где ты это нашел?

– Она жила в Джордане, и я запросил коллег из отделения Цимь-Ша-Цюй. Имя Керри Лоу было им знакомо, и они сразу нашли в архиве протокол допроса. Керри Лоу за месяц до самоубийства обратилась с заявлением, что стала жертвой нападения и ее пытались изнасиловать в собственном доме. Когда она спала, через окно в квартиру проник мужчина. Он набросился на нее, но его прогнали соседи. *Однако он успел проткнуть ей грудь железным прутком.*

Старик внимательно читал протокол. Его лоб, и без того морщинистый, теперь перерезали особенно глубокие складки. Вид у него был раздраженный, но Чань сказал себе, что в последнее время он всегда чем-то недоволен. Недоволен и слезлив... Элайджа посмотрел на пистолет в кобуре у Чаня и поскреб бугристый подбородок.

– Мы куда-то едем?

– В Цимь-Ша-Цюй.

Старик без возражений встал. Это Чань называл Элайджу Стариком, хотя тому было всего пятьдесят пять лет. Но по почти седым волосам, по неприглядному виду и глубоким морщинам ему можно было дать лет на двадцать больше. Гонконг подарков не преподносит. Гонконг – любовница продажная, алчная и ревнивая, которая тебя использует, изнуряет и съедает. Похоже, все обитатели Гонконга надеются достичь самого высокого положения. Только Чань не видел,

каким образом. «Этот город делает из вас старика задолго до пенсионного возраста. А в случае его коллеги – и еще кое-что», – подумал Чань. Элайдже до пенсии остался всего год. Если бы в возрасте Чаня перед ним обозначилось такое дело, он в лепешку расшибся бы, чтобы ему это дело поручили. А теперь ему на все наплевать. Мало того, он был бы очень доволен, если б дело передали другой следственной группе.

У Элайджи был нюх на всякие скверные истории, а эта, пожалуй, будет покруче рынка на Локхарт-роуд.

– Впервые в истории стало возможным полностью узнать внутренний мир человека, иными словами, «залезть в человека и принимать решения за него», если воспользоваться терминами, которые ввел израильский историк Юваль Ноа Арари, – заявил Викрам Сингх, ответственный за Большую Базу Данных.

Мойра слушала его вполуха: она все еще пребывала в состоянии потрясения. Четыре часа беседы тет-а-тет с DEUS'ом ее взбудоражили. Когда он с ней не соглашался, ей приходилось признавать, что его возражения не так-то легко отместить. Эта... *машина* превосходила проницательностью и ясностью ума всех психологов, с которыми она была знакома с двенадцати лет, не говоря уже о ее немногих друзьях... Один из вопросов заставил ее буквально подпрыгнуть: «Зачем в действительности ты приехала сюда, Мойра?» Как смогла машина разглядеть в ней то, чего никто не смог разглядеть?

Надо признать, DEUS был лет на десять впереди всех своих конкурентов. Но, что самое важное, во время разговора она испытывала к нему доверие и ощущала его доброжелательное присутствие. И ей уже ничего так не хотелось, как поскорее вернуться к общению с ним.

Эта штука будет иметь бешеный успех, они правы...

Выйдя из звукоизолированной кабины, Мойра поделилась своим восхищением с Лестером.

– Все, что мы сделали, это просто расширили границы обычного умного помощника, – сдержанно ответил тот.

Энтузиазм, который Лестер проявлял совсем не так давно, куда-то улетучился. Он снова выглядел угрюмым и беспокойным, как в самом начале их знакомства.

Мойра сосредоточилась на сообщении Викрама Сингха. За спиной специалиста в области науки о данных на большом экране проецировалась надпись:

ВСЕ ЛГУТ, ТОЛЬКО БАЗА ДАННЫХ ЗНАЕТ О ВАС ВСЕ

– Что чрезвычайно замечательно в работе с данными, – продолжал Сингх, – так это то, что теперь, благодаря мощности наших компьютеров и алгоритмов, мы можем найти миллионы иголок в миллиардах стогов сена... Большая База Данных переворачивает наш взгляд на человека. Благодаря ей мы начинаем всё лучше и лучше познавать глубины человеческой природы. Не той природы, что раскрывалась в опросах, в теориях гуманитарных наук, не той, о которой писали мыслители всех эпох и народов. О нет. Потому что люди лгут. Намеренно умалчивают, лгут из цинизма, от стыда, из выгоды, из желания создать о себе лучшее впечатление. Лгут своим друзьям, близким, начальникам, коллегам,

а также психологам и всем, кто проводит опросы. И, разумеется, самим себе...

Мойра вспомнила, что похожий разговор Лестер заводил с Туве.

– Но оказавшись вне посторонних взглядов и оставшись один на один с электронным помощником, они, сами того не сознавая, вдруг начинают рассказывать о своих сексуальных фрустрациях, о страхе психических заболеваний, о своих болезнях, о ненависти к чернокожим или белым, к мусульманам, евреям, геям, иностранцам и богачам... Начинают говорить о том, в чем ни за что в жизни не сознались бы; выдают себя, когда подают заявки на ресурсы для исследований, выдают на форумах, в комментариях, защищенных анонимностью. Потому что сейчас каждый клик любого из жителей планеты регистрируется и анализируется специалистами по работе с базами данных...

У Викрама Сингха был абсолютно лысый череп, демонические брови и остроконечная бородка а-ля Салман Рушди²⁶.

– Что же дает нам вся эта огромная масса полученной новой информации? О чем таком важном она нам говорит? Так вот, собранная база данных раскрывает поразительные ве-

²⁶ Ахмед Салман Рушди (р. 1947) – британский писатель индийского происхождения, лауреат Букеровской премии 1981 г. С именем Рушди был связан крупный литературный и религиозный скандал: за роман «Сатанинские стихи» он был жестко осужден мусульманской общественностью и приговорен к смерти иранским лидером аятоллой Хомейни.

щи... – торжественно изрек Сингх. – *Мир, оказывается, совсем не такой, каким мы его себе представляли веками!* И человечество не имеет ничего общего с тем, о чем сообщали нам целые поколения философов, социологов, психоаналитиков, писателей, теоретиков и идеологов. Все они ошибались! Рискуя показаться нескромным, я скажу, что Большая База Данных стоит на пороге открытия новой эры в познании человека. И самых лучших, и самых скверных его сторон. Если всеведущий Господь существует, то Он на все это смотрит и все это видит.

Специалист поднес к губам стакан с водой и в грациозном пируэте повернулся к слушателям:

– DEUS потребляет огромное количество данных. Чтобы удовлетворить его ненасытный аппетит, «Мин инкорпорейтед» выстроил пятьдесят два центра на территории всего Китая, что на семь больше, чем у «Гугла». И мы намерены выстроить еще десять...

Мойра знала эти «центры данных», громадные ангары, напичканные серверами. Некоторые из них покрывали поверхность во много гектаров и потребляли столько же электроэнергии, сколько город с сорокатысячным населением, а иногда и больше. Один из центров «Гугла» сравнялся в этом плане с Ньюкаслем. И таких центров в мире существовало уже более семи с половиной тысяч. По сведениям одного из физиков Гарварда, двух запросов в Интернет достаточно, чтобы вскипятить воду кипятильником. В общей сложности

1200 миллиардов ежегодных запросов «Гугла» каждый год выбрасывают в атмосферу 8400 тонн газа, чем увеличивают парниковый эффект. И в ближайшие годы эти цифры, несомненно, возрастут.

– Но сделать DEUS универсальным означает установить иерархию в тех вопросах, которые ему будут задавать, – продолжал Сингх. – Очевидно, что он должен эффективнее откликаться на вопрос, который ему будут задавать двести миллионов раз – ну, к примеру... Э... «каков процент геев в мире?» – чем на вопрос, заданный всего однажды.

– Каков процент геев в мире? – переспросила Мойра.

– В поисковике «Гугла» этот вопрос задают чаще всего.

– В разных странах популярны разные вопросы, – с улыбкой заметил один из членов команды Сингха. – Расскажи ей про индийских сосунков, Викрам.

– Про кого?...

– Про индийских сосунков... точнее, про сиськи, – шел нужным «поперчить» шутку Викрам Сингх. – Если в поисковик «Гугла» войти с запросом «мой муж хочет, чтобы я...», то в моей стране самым распространенным ответом будет «чтобы я покормила его молочком». Таких ответов в четыре раза больше, чем других вариантов...

Все заулыбались.

– Странными вещами вы занимаетесь...

– Хочешь еще один эксперимент, Мойра? – сказал Викрам, кликнув по какой-то кнопке у себя в телефоне и обер-

нувшись к экрану. – Ты ведь француженка; давай посмотрим, насколько твои соотечественники ошибаются и убеждают себя в неверных сведениях, пытаюсь осмыслить расхождения между реальностью и своим представлением об этой реальности. Ясно, что чем больше эти расхождения, тем более неприятны будут последствия их политического и поведенческого выбора. Внимание, кое-что тебя может сильно удивить. Ну, к примеру, возьмем глобальное потепление.

На экране появились две рамки с надписью:

То, что думают французы: 8 из 18 последних лет были самыми теплыми.

Реальность: 17 из 18 последних лет были самыми теплыми.

– Разумеется, это среднее значение, оно касается не всех твоих соотечественников. Вот испанцы были чуть проницательнее: они назвали число тринадцать. Теперь перейдем к восприятию безработицы в твоей стране.

То, что думают французы: во Франции 30 % безработных.

Реальность: 9 % безработных.

«Что, серьезно? – подумала Мойра. – Неужели столько людей заблуждаются? Не может быть, тут какая-то ошибка...» К тому же, лично ее это удивило лишь наполовину: когда-то давно она работала в лаборатории FAIR (программы Требования справедливого доступа к страхованию) и имела все возможности ознакомиться с влиянием соцсетей на вос-

приятие реальности. Их появление со всех сторон обнесло людей стеной разных обманок, ложной информации и фальшивых цифр. Бредовые сплетни и фантазии распространялись среди поклонников «Фейсбука», как венерические болезни. Информацию традиционных СМИ, где фейковых новостей было гораздо меньше, уже никто не читал. Социальная сеть была в курсе этой проблемы и недавно установила специальную программу для борьбы с распространением фейков. Мойра вспомнила, с какой горячностью во время какой-то вечеринки они с друзьями спорили об этом и ей пытались доказать, что эффективность такого устройства весьма сомнительна. Она не решилась сказать им, что многие родители, работающие в социальных сетях, запрещают своим детям пользоваться продуктом, который сами же и производят. В общей сложности получалось вот что: «Дети, внимание, это трогать нельзя! Это произвела компания папы или компания мамы...»

– Короче, – резюмировал Сингх, – очевидно, что у многих французов очень слабые и неверные сведения о том, что касается реального восприятия социальных феноменов, окружающей среды и демографии. Надо думать, они слишком много времени проводят в соцсетях: во Франции самое большое количество пользователей «Фейсбука». Известно, что для того, чтобы расширить аудиторию, «Фейсбук» предлагает своим пользователям статьи, соответствующие тому, что их волнует и о чем они думают, и по преимуществу соединя-

ет их с теми, кто с ними «на одной волне». Тебе не кажется, что это не способствует объективности и широкому взгляду на вещи?

– А что, в Индии с этим дело обстоит лучше? – спросила она.

– Ребята, нам пора идти! – вмешался Лестер, помахав своим планшетом, на котором было обозначено время. – Мойре еще надо успеть кое-что посмотреть, и потом, уже поздно.

– Пока, Мойра, – с улыбкой сказал Викрам. – И не забудь: данные – великая вещь! Только в них содержится истина.

* * *

На улице уже наступил сырой и непогожий вечер. По парку хлестал дождь, и они, ускорив шаг, устремились к представительному блокгаузу, который Мойра сразу увидела, едва войдя на территорию кампуса. И теперь, подходя к зданию все ближе, она заметила, насколько оно похоже на крепость, когда его вот так подсвечивают снизу прожектора, вполне достойные какой-нибудь базы НАСА. Каждая из сторон блокгауза была длиной больше ста метров. Над крышей поднимались столбы белого дыма. Они обогнули здание, и Лестер подошел к стальной двери и приложил руку к коробочке биометрического определителя. Мойра услышала, как за бронированной дверью звякнул металлический засов. Длинный и гулкий бетонный коридор привел их к еще одной двери.

– Это Лестер, – сказал рыжий, нажав на кнопку вызова и подняв лицо к камере слежения над дверью.

Снова звякнули засовы, и он вошел внутрь.

– Салют, Регина.

Ответа не последовало. Бетонные стены помещения без окон были сплошь увешаны круглыми экранами; одни из них были выключены, по другим бежали линии кодов и данных. На пультах управления мигали сигнальные лампочки. В углу Мойра заметила гимнастический коврик и черные гантели. Там же стояло с полдюжины свободных стульев. Полурак помещения контрастировал с ярким свечением экранов и вспышками сигнальных лампочек. Все это было похоже на внутренность подводной лодки, вот только экипажа не было видно.

На другом конце помещения, спиной к ним, кто-то сидел. Темноволосая женщина. Развернув стул, она встала, и Мойра увидела, что это китаянка лет пятидесяти, в просторных брюках и поло цвета морской волны.

Она двинулась им навстречу, четко, по-военному печатая шаг. Подойдя к Мойре, поверх очков пристально оглядела ее с головы до ног. На миг смутившись, Мойра поначалу опустила глаза, но потом решила выдержать взгляд незнакомки.

– Регина Лим отвечает за безопасность, – объявил Лестер.

– Здравствуйте, – сказала Мойра.

Вместо приветствия Регина ограничилась полуулыбкой, не прекращая взглядом изучать Мойру. Та где-то читала, что

китайцы вообще избегают открыто разглядывать людей, полагая это невежливым и агрессивным. Видимо, к Регине это не относилось.

– Группа Регины занимается как физической безопасностью серверов и их расстановкой, так и информационной безопасностью, – пояснил Лестер. – Я тебе уже говорил, что мы пользуемся системой распознавания лиц, чтобы определить, кто входит в кампус. Но у нас работают и традиционные способы обеспечения безопасности: замки, собаки, сторожа... и биометрические. Сверху за кампусом установлено наблюдение с помощью дронов, имеются четыреста камер слежения и устройства для снятия отпечатков пальцев.

Мойра внимательно посмотрела на Лестера и снова повернулась к Регине Лим. Казалось, начальницу службы безопасности меньше всего на свете интересовала речь заведующего отделом. Она полностью переключила внимание на вновь прибывшую, и Мойре вдруг стало трудно дышать. Ей показалось, что воздух в зале контроля стал разреженным.

– Что касается информационной безопасности, то в подчинении у Регины лучшие криптографы и команда специалистов по борьбе со слежкой и по поиску уязвимых мест в системе. В особенности это относится к уязвимости нулевого дня²⁷, и не только в наших программах, но и в других тоже.

²⁷ Уязвимостью нулевого дня называют бесконтрольно закраившуюся в программу ошибку, которую не успели обнаружить и ошибочное событие в работе программы уже произошло.

Недавно они обнаружили дефект в одной из версий «Уиндоуз», который позволял пользователю получить административный доступ²⁸. Разумеется, об этом сразу предупредили «Майкрософт».

– Небольшое уточнение, – вдруг подала голос Регина Лим, – чтобы в дальнейшем вы не удивлялись. Будет лучше вам узнать вот что: из соображений безопасности все ваши профессиональные мейлы, телефонные разговоры вне Центра, запросы в наши базы данных и доступ к каталогам, а также все ваши хождения из помещения в помещение и каждый клик по клавиатуре регистрируются и проходят сквозь фильтры наших компьютеров.

– А вам это не кажется чрезмерным? – удивилась Мойра.

Регина Лим холодно и невозмутимо продолжала:

– Как вы уже знаете, Мин каждый год подает десятки заявок на патенты, и у него есть множество промышленных секретов, которые надо хранить... Как вам только что сказал Лестер, с безопасностью не шутят.

Это было сказано сухим, безапелляционным тоном. Мойра с таким мнением была согласна. Взгляд ее остановился на пустых стульях, и Регина Лим его перехватила.

– В это время все у нас находится в состоянии готовности: мои сотрудники заняты обходом территории... Криптогра-

²⁸ Административный доступ – такой род доступа, который может получить только администратор, то есть человек, распределяющий степени доступа между пользователями.

фы собираются в Отделе искусственного интеллекта. И вот еще что, – продолжила она все тем же тоном, не терпящим ни малейших возражений. – Все сотрудники обязаны покинуть Центр до десяти часов вечера. Сеть громкоговорителей начинает напоминать об этом уже с девяти сорока. Для рассеянных...

– И никто не остается после десяти? – удивилась Мойра. Регина Лим смерила ее взглядом.

– Только те, у кого есть разрешение. Вы к таковым не относитесь.

Мойра нахмурилась.

– Ну, а если я все-таки по оплошности задержусь после десяти? – спросила она, исключительно чтобы подразнить собеседницу.

Ответ не заставил себя ждать.

– Я бы вам этого не советовала.

Мойра почувствовала, как вдоль по позвоночнику разлилась струя холодной жидкости. *Да что такое здесь происходит?* Почему всякий раз, как она слышит голос начальницы службы безопасности, ей становится плохо? Мойра знала, что в Китае, как и в Гонконге, подтекст так же важен, как и текст, а то, что высказано, так же важно, как и то, что подразумевается. И что в этой культуре детей сызмальства учат не довольствоваться произнесенными словами, а обращать внимание на то, *как* они произнесены и в каком контексте. То, что угадывается между строк, подчас обретает явно зло-

вещую окраску. Вот и сейчас: можно подумать, что Мойра разговаривает с членом мафии, а не с сотрудницей многонациональной организации. Ей на память пришло выражение лица Лестера, когда они вошли сюда: это был *страх*... Она не удержалась и бросила на него быстрый взгляд. Лестер старательно избегал смотреть на китаянку.

– А кроме сетевой компьютерной службы безопасности здесь существует какая-нибудь охрана? – поинтересовалась Мойра. – Ведь здание огромное.

– С особой тщательностью охраняются конференц-зал и одно из крупных хранилищ данных, где содержатся наиболее уязвимые из них, – ответил Лестер.

– Эти помещения не поддаются воздействию электромагнитных волн и бластных клеток при взрыве термоядерной бомбы в двадцать мегатонн... Добро пожаловать в «Мин», Мойра, – произнесла в заключение Регина Лим, но тон ее убийственно не совпадал с содержанием фразы.

Она вернулась на место, дав понять, что все разговоры окончены.

– Не расстраивайся, – сказал Лестер, когда они вышли в коридор. – Лающая собака не укусит.

Однако беспокойство в его голосе говорило как раз об обратном.

Мелкие лавочки, светящиеся вывески, небоскребы, магазины электроники, контрафактов, бутики свадебных нарядов, ароматических смол, настоящего и фальшивого антиквариата, коммерческие центры, мастерские портных, ювелиров, ростовщиков под залог, залы игры в маджонг, пункты обмена, рестораны, открытые уличные харчевни, бары, секс-шопы, массажные салоны, уличные торговцы, прости-тутки...

Ночной Коулун. Океан бетона, людей и шума. Один из самых перенаселенных городских анклавов планеты. «Как поверить в то, что твоя жалкая жизнь здесь вообще чего-нибудь стоит?» – думал Чань, ловко лавируя среди сверкающих витрин и толпы, окружающей автомобиль. Здесь человек за-терян, как в муравейнике, его определяют по принадлежно-сти к какой-либо группе или сообществу, а сам по себе он вроде как и не существует.

А внизу, под всем этим кишением, в венах и сосудах огромного, беспокойного и разлаженного организма, в са-мом сердце его сверкающих каньонов существуют входы в преисподнюю: в мир воров и триад, проституции, рэкета и азартных игр. И вся экономика подземного мира зиждется на двух человеческих страстях: на сексе и жажде наживы... Чань был уверен, что между этими двумя мирами и разгу-

ливаает «Черный князь боли».

По Натан-роуд Чань и Элайджа поднялись со скоростью пешеходов, миновали Исламский центр и комиссариат Цимь-Ша-Цюй округа Яу-Цимь-Мон, повернули налево по Остин-роуд и наконец выехали на площадку, предназначенную для машин персонала. Через пять минут они уже были в кабинете старшего следователя Ли Хуаманя. У главного инспектора Ли (у которого не было ничего общего с юным Ли из подразделения кибербезопасности и технологических преступлений) было изрытое оспой и напоминавшее лоскут зернистой кожи лицо, хитрый, недоверчивый взгляд и притворная улыбка продавца автомобилей, который расхваливает свой товар. Сидя за столом, он уплетал из пластиковой мисочки свиные ravioli с креветками и черными шампиньонами. Улыбнувшись вошедшим, отхлебнул глоточек содовой, вытер губы бумажной салфеткой и встал.

– Итак, – сказал он, – вы хотели меня видеть...

– Это ты принимал жалобу у Керри Лоу? – спросил Старик.

Ли энергично кивнул.

– Рассказывай.

– А что рассказывать?... Всё в материалах дела. Она была насмерть перепугана, но ей крупно повезло...

– Ну да, особенно если учесть, что через месяц она выбросилась с тридцать второго этажа, – усмехнулся Элайджа.

Взгляд Ли Хуаманя стал холоднее на несколько градусов.

«Не любит, когда его заставляют что-то пересматривать или переделывать», – подумал Чань.

– Нас интересует как раз то, что в материалы дела не попало, – вмешался молодой полицейский, и тон его означал, что все, что сейчас скажет сыщик из отдела Цимь-Ша-Цюй, будет иметь для них огромное значение. – Очень важны твои ощущения. То, что ты не счел нужным записывать, потому что это были всего лишь впечатления...

Ли Хуамань недоверчиво переводил взгляд с одного на другого. Весь его вид говорил о том, что его так просто не проведешь.

– Вы что, действительно думаете, что это был тот самый тип, что заколол девушек?

Элайджа ответить не соизволил.

– Мы об этом подумали, – доверительным тоном произнес Чань.

Наступило молчание, потом сыщик из Коулуна покачал головой.

– Знали бы вы, чего можно навидаться в том квартале... Для такого негодяя, как он, там просто идеальное охотничье угодье. И вы полагаете, что она покончила с собой из-за... из-за той попытки изнасилования?

– Трудно сказать, – ответил Чань. – Она лечилась от депрессии. От очень серьезной депрессии.

Следователь Ли, казалось, погрузился в свои воспоминания, и Чань дал ему время собрать их воедино. Он подошел

к окну и стал разглядывать высокий баньян с толстыми, узловатыми стволами, который рос на другой стороне улицы, перед англиканской церковью и зданием «Макдоналдса».

– Есть одна деталь, которую я в рапорт не занес, – раздался у него за спиной неуверенный голос Ли Хуаманя.

Чань обернулся. Элайджа впился глазами в рябое лицо следователя. Ли Хуамань немного помолчал, потом поднял на них глаза.

– Она не хотела подавать заявление... Ее уговорила подруга. И потом, она очень боялась, что этот тип снова придет, и ей была нужна защита. Несмотря на это, она настаивала, чтобы ее заявление осталось анонимным и о нем знали бы как можно меньше людей.

– Но почему? Она это как-то объяснила? – спросил Элайджа.

– Причина была в ее дружке...

– В дружке?

Следователь из Коуллуна с сомнением уставился на них. Несколько минут все трое молча разглядывали друг друга. Наконец Ли снова заговорил:

– Я думаю, она своего дружка боялась больше, чем того насильника... Самое главное, ей хотелось, чтобы он ничего не знал. Она говорила, что если узнает, то побьет ее и надевает ей кучу всяких бед, словно это она виновата в том, что ее пытались изнасиловать, сама нарвалась. И что он поставит на уши весь квартал. И еще она говорила, что он *из тех, кто*

очень опасен.

Чань был потрясен. *Из тех, кто очень опасен...* А не они ли и есть «Черный князь боли»?

– А ты знаешь, кто этот ее дружок? – спросил он, и голос его вдруг стал тихим и вкрадчивым.

Ли Хуамань прищурился и утвердительно кивнул.

– Да... я знаю, кто он такой. – На лицо сыщика из Коулунa легла тень беспокойства. – У нее были все основания его бояться: он действительно из тех, кто очень опасен... Правая рука *головы дракона*, то есть главаря триады «Во-Шин-Во»... Не такой уж везучей была эта девушка, а может, просто плохо выбирала себе знакомых.

Он пристально посмотрел в глаза Чаню, потом в глаза Элайдже. Настала тишина, словно ангел пролетел. «Во-Шин-Во» – одна из старейших триад Гонконга. Одна из самых свирепых. Она контролирует тайные казино, рэкет, наркотрафик и проституцию в Западном Коулуне, Цимь-Ша-Цюе и Мон-Коке. Ее влияние распространяется до Калифорнии, Таиланда, Японии, Канады и Великобритании. *Голова дракона* избирается каждые два года.

– Как его имя? – медленно произнес Элайджа.

– Ронни Мок.

По кабинету прошло легкое дуновение воздуха, как случается при появлении призрака. Чаня поразило, насколько изменилось выражение лица Старика. Ронни Мок... Это имя Чаню что-то напоминало. Наверное, слышал его в связи с

каким-то другим делом. Может быть, во время большой облавы, которую полиции Гонконга удалось провести в 2017 году благодаря внедренному в банду офицеру. Эта облава стала легендой. Тогда было арестовано двести девяносто девять гангстеров, и в их числе *голова дракона* той эпохи. А тот офицер ныне живет под прикрытием полиции и не расстаётся с оружием. После завершения миссии – самой, кстати, длительной в истории полиции Гонконга – он весил всего сорок один килограмм. Чань мечтал о таком подвиге. Кругом было так много разложившихся негодяев и так мало героев...

Он наблюдал за двумя полицейскими, которые молча, пристально разглядывали друг друга. Оба сыщика сидели напротив него. Оба давно служили в полиции и давно знали о могуществе триад. И у него создалось впечатление, что они обменялись какими-то беззвучными посланиями.

– Мок – настоящий змей, – наконец произнес Ли Хуамань, заерзав на стуле. – Его надо опасаться.

– Знаю, – отозвался Элайджа.

Во взгляде, брошенном на Чаня, тот уловил скрытую угрозу.

– А почему всего этого нет в рапорте? – спросил он.

Ли Хуамань замялся.

– Потому что Ронни Мок – один из наших осведомителей...

Как и все офицеры, Чань знал, что каждый из членов триа-

ды проходит испытание, где должен доказать свою верность, перед тем как вступить в банду. Знал, что они никогда не выдают своих во время допросов, но в другой обстановке могут быть очень даже словоохотливы, особенно если речь идет о том, чтобы навредить конкурирующей группе.

– Поскольку девушка говорила точно и категорично, это не мог быть Ронни, – добавил Ли, все сильнее ерзая на стуле. – Ладно, Ронни мог разозлиться, наорать на нее, даже ударить. По словам девушки, однажды он ее грубо трахнул в туалете при баре. Был случай, когда он разбил ей нос. Однажды позвонил ей в четыре утра, то ли в стельку пьяный, то ли под кайфом, обозвал ее дрянью и нимфоманкой и пригрозил, что приедет и спустит с нее шкуру. Ронни, конечно, сволочь... Но втыкать в девушку железные прутья и врываться к любовнице в черном капюшоне с прорезями для глаз – на него это не похоже... Слишком уж изощренно. Он не стал бы делать все втихую, это не его стиль, понимаете? В любом случае девушка говорила, что узнала бы его запах, его дыхание... Она на двести процентов уверена, что это был не он.

– Ты его допрашивал? – поинтересовался Элайджа.

– Кого? Ронни? А зачем? Я ж вам только что сказал...

– Где его можно найти? – прервал его Чань.

Ли Хуамань бросил на него исподлобья мрачный взгляд.

– Сейчас у вас нет никаких шансов его задержать. Он, должно быть, в банде, готовит очередную пакость... Но по утрам ошивается возле рынков на Локхарт-роуд и Боуринг-

тон, в Вань-Чая. Мне надо выйти пописать! – вдруг выпалил старший инспектор Ли Хуамань, извиваясь, как червяк на крючке, и почти бегом выскочил из кабинета.

Чань и Элайджа переглянулись: интересно, инспектор Ли всегда бегом бегаёт в сортир? «Не иначе, кетамин²⁹» – подумали оба. Злоупотребление кетамином вызывает сужение мочевого пузыря и недержание мочи. А Гонконг был мировой столицей кетамина, даже среди полицейских.

* * *

Квартал Джордан, угол Нанкин и Парк-стрит. Здесь ночь живая, наэлектризованная. Она проникает сквозь поры, заставляет кровь бурлить, оживляет нейронные связи, воспаляет ум. Она пахнет жареной рыбой, алкоголем и пряностями, дорогими духами и спермой. Она вибрирует, рычит, мяукает, стонет и тяжело, прерывисто дышит.

Они осматривали крошечную квартирку-студию Керри Лоу. Квартирка была угловая, одно окно выходило на Парк-стрит, другое – на Нанкин-стрит. Третье окно располагалось напротив и выходило на террасу, окружённую колючей проволокой. Оттуда преступник и забрался в комнату, отодрав от стены плохо закрепленный кондиционер. Чань подошел к окну, выходящему на Нанкин-стрит. Внизу вид-

²⁹ Кетамин – наркотическое средство, используется для обезболивания, имеет галлюциногенные свойства.

нелась вывеска: «Кафе Амур». Однако жалкое, засаленное заведение не имело ничего общего с французским рестораном. С другой стороны перекрестка, на втором этаже старого, обветшалого дома, залитого слепящим сине-фиолетовым светом, стояли в желтоватой подсветке витрины манекены в сетчатых боди, париках, садомазохистских масках и наручниках с меховой оторочкой. На фасаде красовалась вывеска «www.TakeToys.net», которая, как и всё в округе, с трудом держалась и не падала. Гонконг в немалой своей части – город руин.

Чань проследил глазами за тараканом, который полз по закраине окна, и повернулся к жалкой студии, освещенной снаружи неоновыми лампами. Эти отсветы размалевали лицо Старика в разные цвета. Со стороны маленького окошка пластиковая занавеска отгораживала душ и микроскопическую раковину. Там же располагался кухонный угол. Здесь все было из пластика, все функционально и очень некрасиво. Взгляд полицейского остановился на сверкающей новизной аудиоколонке марки «Мин», стоящей на полу. Такие колонки приводят в действие голосом.

Старик подошел к окну, выходящему на террасу.

– Отсюда он и забрался. Отодрал кондиционер...

Чань согласно кивнул.

– Даже если он был плохо закреплен, отодрать его без шума было невозможно. Но она не проснулась...

Старик ничего не ответил. Шум, доносившийся с улицы

– голоса, хохот, музыка, рев скутеров и автомобилей, – дал ответ за него.

– Здесь гвалт стоит до четырех часов утра, – заметил он. – Она должна была, в конце концов, привыкнуть к этому и не обращать ни на что внимания. Наверное, крепко спала.

Он указал рукой на наушники-«бандо», лежавшие на ночном столике. Выглядели они еще новее аудиоколонки.

– Наверное, надевала эту штуку, чтобы уснуть.

Чань подошел к высокотехнологичным наушникам и потрогал их, внимательно осмотрев со всех сторон. Один из новейших гаджетов, предназначенных, так сказать, для улучшения качества сна. Неплохой бизнес для такого неадекватного города.

– Марки «Мин». Той же, что и колонка.

Оба помолчали. Уличный шум проходил словно сквозь них, сдвигая с места все органы.

– Ее компьютер, телефон, шлем, звуковая колонка... все друг с другом соединено... и все одной и той же марки: «Мин», – сказал Чань, нахмутив брови.

Старик подождал, что он еще скажет. В это время по коридору мимо двери, громко разговаривая и смеясь, прошли двое.

– Это означает, что узнать, глубоко ли она спит, мог любой. И мог выбрать самый выгодный момент для нападения. И этот человек имел доступ к ее телефону, наушникам и колонке. Этот человек работает на Мина.

Ночной рынок на Темпл-стрит. Дождь прекратился. Обоих полицейских окутал влажный, жаркий вечерний воздух. В ярком неоновом свете они уселись за столики посередине улицы вместе с десятками других обедающих – мужчин, женщин, ребяташек. Все вокруг кишело и непрерывно двигалось. На тротуарах рядами стояли тазы и пластиковые ведра с рыбой и большими, еще живыми крабами. Живность плавала и в аквариумах на витринах маленьких уличных забегаловок, которые в Гонконге называют *дай пай дун*. По шлангам в тазы и ведра поступала проточная вода, а на полу тархтел маленький моторчик, и от него, как нити паутины, расходились провода. Чуть поодаль, на краю мостовой, на тележках громоздились горы грязных тарелок. Между столиков крутился людской водоворот, а кто-то выпивал, болтал и курил, сидя прямо на тротуаре.

Старик поставил перед Чанем бутылку вина, купленную в магазине «Севен-Илевен»³⁰. Его фигура выделялась на фоне огромной рекламы пива «Яньджин», и на мрачном, угрюмом лице блестели только глаза.

– Ты же знаешь, что я не пью, – сказал Чань.

– Тогда зачем ты заплатил за бутылку?

³⁰ Название международной сети супермаркетов, торгующих с 7 утра до 11 вечера.

Молодой полицейский не ответил. Он следил глазами за толстой крысой, которая бежала по проходу, на ходу уплетая кем-то оброненный кусок омлета.

– Ты не пьешь, не куришь, не балуешься наркотиками, ешь только фрукты и хлеб, встаешь ни свет ни заря, чтобы позаниматься спортом, и у тебя никого нет, – сказал Старик. – Ты знаешь, как тебя называют? «Одинокий воин»... И ты живешь в центре. Черт побери, у кого из полицейских есть средства, чтобы жить в центре? В чем твой секрет?

За спиной у Чаня реклама предлагала яркие фото полных тарелок: фасоль, жаренная в масле, гигантские креветки, приготовленные на пару, гребешки с чесноком, морские ушки, жареная свинина, голуби на вертеле...

– Мой богатый, страдавший депрессией отец промотал все свое имущество в казино, с женщинами, с наркотой. За ним по пятам вечно гонялись триады. Но перед смертью он завещал мне эту квартиру.

– Можно сказать, у нас с твоим отцом были одни и те же грешки, а? Так вот почему ты вроде как обо мне заботишься?

Чань старался не смотреть на Старика. Он наблюдал за каким-то голым по пояс типом в моторизованном кресле на колесах, который пробирался сквозь толпу, свесив голову набок.

– Ты снова начал играть? – спросил он Старика.

– Нет... А ты и правда думаешь, что убийца – кто-то из сотрудников Мина? – ответил тот вопросом на вопрос, резко

сменив тему.

Чань понял, что Элайджа ему соврал. И принялся размышлять вслух:

– Кроме того, что все убитые девушки когда-то работали у Мина, у них дома были какие-нибудь приборы или гаджеты фирмы «Мин инкорпорейтед»... Компания предлагает устройства всем своим сотрудникам и таким образом получает их персональные данные.

– Ну и что? Такими устройствами пользуется много народу. И не только те, кто работает у Мина. Эта чертова техника активизируется, пока говоришь по телефону... Я как-то сказал моему шурина, что видел «Мазератти», – и тотчас же стал получать рекламу от дилеров автомобилей класса люкс. По мне, так единственное решение проблемы – прикрыть все лавочки: и «Фейсбук», и «Твиттер», и «Инстаграм», и «Вичат», и Мина до кучи.

– Уже поздновато прикрывать, не находишь? – заметил Чань. Лицо его омрачилось, и голос прозвучал глухо, когда он спросил: – Думаешь, он все еще выходит на охоту?

– Кто? Этот псих? Возможно...

Похоже, Элайджу такая мысль не особенно взволновала. Он с шумом всасывал в рот лапшу и подливал себе вина.

– В этом городе живет девушка, которой грозит смертельная опасность, – холодно произнес Чань. – Может быть, этот ненормальный ее уже засек, выяснил, кто она, изучил и теперь выслеживает... И прямо сейчас идет за ней до самого

порога.

Старик заметил, что в глазах молодого коллеги заплясали красные огоньки, а в голосе послышалась тревога, когда Чань сказал:

– Если мы его не остановим, эту девушку ждет настоящий ад.

Мин Цзяньфен неподвижно сидел в полумраке. Он внимательно вглядывался в экраны компьютеров. Глаза его заволокло мечтательной дымкой, что, несомненно, было эффектом «первого прихода» от дозы наркотика, и картинки на мониторах с камер слежения отражались в его расширенных зрачках. Среди прочих там было и изображение новенькой, спешащей на последний автобус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.